

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи:

Подвальная улица № 5, въ домъ Свято-Троицкой Церкви.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходитъ два раза въ мѣсяць: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІА.

Извлечение изъ Высочайшихъ повелѣній о церковномъ пѣніи и цензурѣ духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Высочайшее повелѣніе объявленное Правительствующему Сенату. 1846 г.

Сентября 4. (г-мъ министромъ юстиціи) г-нъ генераль-адъютантъ Адлербергъ отъ 23-го минувшаго августа сообщилъ ему, г. министру юстиціи, что для прекращенія произвола въ употребленіи при Богослуженіи такихъ музыкальныхъ сочиненій и переложеній съ простаго пѣва, кои никакою цензурою не были одобрены, равно для устраненія измѣненій въ сочиненіяхъ уже одобренныхъ къ пѣнію,—въ январѣ мѣсяцѣ 1816 года Высочайше повелѣно было: строжайше запретить пѣніе по рукописнымъ нотнымъ тетрадамъ, вновь же печатать и пѣть только тѣ духовно-музыкальныя сочиненія, кои одобрены будутъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Высочайшее сіе повелѣніе, сообщенное Святѣйшему Синоду тайнымъ совѣтникомъ княземъ Голицынымъ, помѣщено въ XXXIII томѣ полнаго собранія законовъ (ст. 498 § 26, 143).

Нигдѣ въ православныхъ церквахъ не вводить новыхъ духовно музыкальныхъ сочиненій безъ предварительнаго одобренія оныхъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, одобренныя же имъ употреблять не иначе, какъ въ печатныхъ экземплярахъ и при томъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

Во время присутствія Особъ **ВЫСОЧАЙШЕЙ** фамилии въ епархіальныхъ соборахъ или церквахъ, во всякъ случаѣхъ, употреблять всегда при Богослуженіи

придворное пѣніе, за исключеніемъ только церквей, въ коихъ искони, ведутся другіе пѣвцы; т. е. въ церквахъ Греческихъ, Грузинскихъ и Молдавскихъ; а также: Столповое въ Московскомъ, Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ Соборахъ; Демственное—въ монастыряхъ и единовѣрческихъ церквахъ; Кіевское—въ Кіевонечерской лаврѣ.

Указы ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

1) отъ 30 іюня 1849 года.

Московской Святѣйшаго Синода конторѣ и преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ подтвердить указами, чтобы обученіе хоровъ ихъ поручаемо было непременно тѣмъ токмо лицамъ, кои получили уже, или впредь получатъ аттестаты отъ придворной капеллы, и что бы объ успѣхѣ въ такомъ обученіи доставляемы были Святѣйшему Синоду подлежащія донесенія по истеченіи каждаго года.

2) отъ 19 апрѣля 1850 года.

По Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію: не допускать пѣнія въ церквахъ, во время Божественной литургіи, вмѣсто причастнаго стиха, музыкальныхъ произведеній новѣйшаго времени, печатныхъ или рукописныхъ, которыя существуютъ подъ названіемъ концертовъ.

3) отъ 26 мая 1850 года.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ: а) оставить въ своей силѣ объявленную въ 1846 г. Высочайшую волю, чтобы не вводить въ употребленіе новыхъ сочиненій безъ одобренія

оныхъ директоромъ капеллы, б) продолжать обученіе въ придворной капеллѣ, регентовъ и выдавать установленные аттестаты; директору же капеллы поручить по сношенію съ епархіальнымъ начальствомъ и съ полковыми командирами, повѣрять по временамъ дѣйствія этихъ регентовъ.

4) отъ 20 августа 1852 года.

Подтвердить по всему духовному вѣдомству, чтобы, во избѣжаніе народнаго соблазна, не были отнюдь иѣты въ церквахъ такія переложенія церковныхъ пѣснопѣній, которыя не одобрены Св. Синодомъ къ употребленію, и чтобы виновные въ неисполненіи сего регенты подвергаемы были строжайшему взысканію и удаленію отъ ихъ должностей.

5) отъ 21 сентября 1852 года.

Подтвердить по всему духовному вѣдомству о строжайшемъ наблюденіи, чтобы въ церквахъ не производилось неодобренныхъ пѣснопѣній, и что циркулярное предписаніе Св. Синода отъ 14-го февраля 1816 г. не отмѣняется.

6) отъ 12 сентября 1869 года.

О точномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія 1846 г., (Втор. Полн. Собр. Зак. 1846 года Т. XXI № 20,325) въ коемъ между прочимъ постановлено: „Нигдѣ въ православныхъ церквахъ не вводить новыхъ духовно-музыкальныхъ сочиненій безъ предварительнаго одобренія оныхъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, одобренныя же употреблять не иначе, какъ въ печатныхъ экземплярахъ и при томъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода“ Приказали: дать знать подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства печатными указами, чтобы, въ точное исполненіе Высочайшаго повелѣнія 23 августа 1846 года (Втор. Полн. Собр. Зак. Т. XXI, № 20,325), музыкальныя сочиненія, предназначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, кои не получаютъ предварительнаго одобренія отъ начальства придворной пѣвческой капеллы, впродъ къ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода не обращали, и всякія просьбы о разсмотрѣніи подобныхъ сочиненій, буде таковыя поступятъ, оставляли безъ дѣйствія.

Отзывъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ синодѣ¹⁾—о сочиненіи протоіерея придворнаго собора Зиліно Дворца Іаина Толмачева, подъ названіемъ: „Православное собесѣдовательное богословіе или практическая Гомилетика“, (Въ четырехъ томахъ: т. I изд. 1868 г., т. II изд. 1869 г., т. III и IV изд. 1877 г., С.-Петербургѣ).

Проповѣданіе истиннаго христіанскаго ученія есть одна изъ главныхъ пастырскихъ обязанностей. Исполненіе же этой обязанности требуетъ много знаній, усилій и искусства. А потому правопривидѣніе слово истины Божіей и руководители духовнаго просвѣщенія обращаютъ попечительное вниманіе на великое дѣло проповѣди слова Божія и способствуютъ въ этомъ какъ готовящимся къ священству, такъ и проходящимъ это святое служеніе. Между прочимъ, съ этою цѣлю одобряются и всѣ сочиненія, руководящія и облегчающія трудящихся въ словѣ и ученіи. Руководства и пособія этого рода имѣютъ предметомъ, съ одной стороны правила, указанія и совѣты относительно правильнаго и цѣлесообразнаго составленія проповѣдей, съ другой, — опыты самаго проповѣданія въ цѣлыхъ проповѣдяхъ или въ схематъ, расположенія ихъ и матеріалъ для поученій. О протоіерей Толмачевъ не ожидаетъ пользы отъ теоретическихъ руководствъ. „Къ сожалѣнію“, говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому своего Православнаго собесѣдовательнаго богословія, „Гомилетика въ томъ видѣ, какъ она преподается у насъ, далеко не соответствуетъ своей цѣли. Одними гомилетическими правилами и теоріями, часто тонкими и неприложимыми, тутъ ничего не подѣлаешь. Мы имѣемъ полное и обстоятельное руководство въ гомилетикѣ—Амфитеатрова; но много ли чрезъ это выиграло наше практическое проповѣдничество? Сдѣлались ли мы чрезъ него искуснѣе въ проповѣданіи слова Божія, обильнѣе и разнообразнѣе въ выборѣ проповѣдническихъ темъ? Никто, конечно, не станетъ утверждать этого,—да это впрочемъ и не дѣло теоріи“ (пред. стр. IV). Отрицая, такимъ образомъ, пользу теоретической гомилетики, протоіерей Толмачевъ упускаетъ изъ вниманія, что эта наука основывается на законахъ психологическихъ, что правила ея подтверждаются свидѣтельствами опыта, что, съ древнихъ временъ до нашихъ, люди даровитые и просвѣщенные, въ числѣ которыхъ можно назвать знаменитыхъ отцовъ и писателей Церкви, посвящали свои силы на изложеніе правилъ и совѣтовъ относительно ораторства вообще и церковнаго проповѣдничества въ частности. А это доказываетъ и потребности, которыя ихъ вызывали, и пользу, которую они приносили. Есть вѣрный афоризмъ: кто отвергаетъ философію, тотъ философствуетъ. Въ такомъ положеніи оказывается и составитель „Практической Гомилетики“. Отрицая пользу теоріи проповѣдничества, онъ опирается на нѣкоторыя требованія этой теоріи, какъ то: примѣненіе поученій къ обстоятельствамъ мѣста, времени, состоянію слушателей, а нѣсколько далѣе платитъ полную дань отвергаемой теоріи, когда говоритъ, что онъ „не касается никакихъ гомилетическихъ правилъ, которыя предполагаются извѣстными“ (стр. V). Очевидно, что протоіерей Толмачевъ не безусловный противникъ теоріи гомилетики; онъ возстаетъ только, въ нѣсколько преувеличенныхъ выраженіяхъ, противъ односторонности, ожидающей преуспѣяннаго проповѣдничества отъ одной теоріи. Этимъ направленіемъ мысли можно объяснить и его

¹⁾ Утвержденный опредѣленіемъ Св. Синода, напечатаннымъ въ № 10 X.-В. Е. В.

сужденіе о гомилетикѣ г. Амфитеатрова, въ которой онъ видитъ одну сухую теорію, хотя и находить сочиненіе полнымъ и обстоятельнымъ. Взглянувъ на дѣло безпристрастно, онъ не могъ бы не замѣтить, что это руководство, составленное извѣстнымъ знатокомъ, проникнуто чувствомъ, располагающимъ къ проповѣдничеству, тонкимъ анализомъ свойствъ и условій проповѣдничества и постояннымъ примѣненіемъ ихъ къ опыту,—а потому оно и способно содѣйствовать преуспѣянію проповѣди. Судя по времени появленія предисловія къ „Практической Гомилетикѣ“ (1868 г.), съ полною увѣренностію можно сказать, что невыгодный отзывъ протоіерея Толмачева объ одностороннемъ руководствѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ проповѣдничествѣ относится къ прошлому времени—до введенія новаго семинарскаго устава. Объяснительная записка по гомилетикѣ, разныя руководительныя указанія по сему предмету Святѣйшаго Синода и доставляемые ревизорами духовныхъ семинарій свѣдѣнія убѣждаютъ, что приготовленіе къ проповѣдничеству воспитанниковъ семинарій чуждо осуждаемой протоіереемъ Толмачевымъ односторонности. Преподаватели семинарій обязаны вести и ведутъ преподаваніе гомилетики преимущественно методомъ практическимъ; разъясняютъ гомилетическія правила съ постояннымъ примѣненіемъ ихъ къ опыту, знакомятъ съ лучшими образцами проповѣдничества, какъ древними, такъ и новыми, упражняютъ воспитанниковъ и въ письменномъ составленіи поученій и въ импровизаціяхъ. При такой постановкѣ дѣла можно ожидать добрыхъ плодовъ, благонадежныя зачатки которыхъ уже замѣчаются въ дѣйствительности.

Протоіерей Толмачевъ считаетъ, повидимому, нецѣлесообразнымъ для преуспѣянія проповѣдничества и знакомство съ лучшими образцами проповѣдей. „Нельзя, говоритъ онъ, также помочь самостоятельному развитію проповѣдничества вообще и изданіемъ готовыхъ проповѣдей“ (стр. IV). Основаніе для такого взгляда онъ находитъ въ томъ, что „проповѣди обыкновенно ищуте для слушателей, а вовсе не какъ пособіе для проповѣдниковъ“, что „онѣ заключаютъ въ себѣ много условнаго и относительнаго, примѣнительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени,“ что „самое развитіе истины отличается личнымъ настроеніемъ оратора въ данную минуту“. „Между тѣмъ какъ для проповѣдника, ищущаго себѣ пособія, нужна только одна голая истина, такъ, какъ она есть сама въ себѣ безъ всякихъ условныхъ покрововъ,—нужно только одно общее развитіе истины, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для своей дѣли, при своихъ условіяхъ и обстоятельствахъ.“ (стр. V). Но голая истина, какъ она есть, должна быть почерпнута изъ запаса богословскихъ знаній, которымъ долженъ обладать проповѣдникъ; та или другая истина содержится и въ готовой проповѣди;—стоитъ только разоблачить ее отъ условныхъ покрововъ,—къ чему долженъ быть способенъ каждый проповѣдникъ, достойный сколько нибудь этого имени. Обстоятельства мѣста и времени, а равно и состояніе и потребности слушателей не настолько разнообразны, чтобы ничего прошлаго нельзя было примѣнить къ настоящему. Есть много проповѣдей древнихъ св. отцовъ и другихъ проповѣдниковъ прошлаго времени, которые съ пользою могутъ быть произнесены въ настоящее время. Если же проповѣдникъ столь ограниченъ, что позаимствуетъ изъ готовой проповѣди въ свою собственную обстоятельства не примѣнимыя къ условіямъ его слушателей, то отъ него трудно ожидать и искуснаго примѣненія голыи истины къ потребностямъ его слушателей. Пособіе печатныхъ образ-

цовъ проповѣдей для обыкновенныхъ проповѣдниковъ должно быть понимаемо не въ смыслѣ заимствованія или рабскаго подражанія, но въ смыслѣ развитія духа и вкуса проповѣдническаго, образованія пріемовъ и отгѣнковъ церковнаго ораторскаго искусства. Въ этомъ отношеніи голая истина и общее ея развитіе не могутъ оказать никакой услуги проповѣднику. Для полнаго усовершенствованія себя ему, кромѣ пользованія только голою истиною, нужно поучиться въ школѣ лучшихъ проповѣдниковъ, точно также, какъ и для всесторонняго развитія художественнаго таланта живописцу, кромѣ правильнаго рисунка, нужно изученіе лучшихъ образцовъ, наблюденіе за работою даровитыхъ художниковъ, въ школѣ которыхъ приобретаются вкусъ, пріемы, колоритъ и отгѣнки выполненія.

Учебный Комитетъ полагаетъ, что неблагоприятный взглядъ протоіерея Толмачева на теорію гомилетики и печатныя проповѣди, какъ вспомогагельныя средства для образованія проповѣдниковъ, образовался случайно подѣйствіемъ любви къ той сторонѣ предмета, надъ которою онъ такъ долго и такъ усердно трудился. Этимъ же чувствомъ отеческой любви къ своему произведенію объясняется и преувеличеніе значенія „Практической Гомилетики,“ какъ „величайшаго пособія и драгоценнѣйшаго руководства“ (стр. V) и оригинальное возведеніе ея въ апостольское званіе, выказанное въ концѣ предисловія такъ: „Иди же ты, „Собесѣдовательное Богословіе,“ въ грады и веси и проповѣдай Евангеліе всей твари“ (стр. XV).

Но ограничивая крайности и преувеличенія, которыя протоіерей Толмачевъ высказалъ въ предисловіи къ своей „Практической Гомилетикѣ,“ Учебный Комитетъ воздерживается отъ допущенія противоположныхъ крайностей и не намѣренъ отрицать важнаго значенія этого труда, какъ пособія для проповѣдниковъ. Одна многочисленность произведеній этого рода въ западной богословской печати и выдержаніе нѣкоторыми изъ нихъ многихъ изданій доказываетъ и потребность въ нихъ и ихъ пользу. Въ нашемъ отечествѣ тоже появлялись опыты практическихъ проповѣдническихъ пособій, на примѣръ „Практическое пособіе для молодыхъ проповѣдниковъ“—протоіерея Павла Соколова, и „Темы для поученій“ архимандрита Викторина. При значительномъ различіи этихъ сочиненій по объему, способу изложенія и въ роисповѣднымъ разностямъ, между ними есть много сходства, обусловливаемаго общностью предметовъ, логической послѣдовательности и общечеловѣческихъ религіозныхъ потребностей. Съ другой стороны, обязанность каждаго послѣдующаго писателя по извѣстному предмету знакомиться съ произведеніями его предшественниковъ по той же отрасли знанія даетъ ему возможность разумно и искусно пользоваться нѣкоторыми плодами ихъ трудовъ. Приступаая къ своему многолѣтнему труду (1862 г.), протоіерей Толмачевъ откровенно заявилъ,—что онъ намѣренъ, сколько возможно, пользоваться иностранными пособіями, но присовокупилъ вѣрное ограниченіе этого пользованія: „это не значить, сказалъ онъ, что мы будемъ переводить ихъ слово въ слово“ („Духъ Христіанина,“ май, 1862 г.). Главное въ томъ, чтобы произведеніе, однородное съ другими по предмету, имѣло свой характеръ и свою физиономію. „Практическая Гомилетика“ протоіерея Толмачева имѣетъ свой характеръ и свою физиономію, рѣзко отличающую ее отъ однородныхъ ей по цѣли и предмету западныхъ произведеній. Отличительныя черты ея состоятъ въ ея православномъ объясненіи истинъ вѣры, нравственности и благочинія, въ ея православномъ духѣ, въ ея православной

церковности, являющейся въ указаніяхъ на наши уставы, обряды и нѣношнія. Сравнительно же съ нашими практическими пособіями для проповѣдниковъ „Православное Собесѣдовательное Богословіе“ протоіеря Толмачева имѣтъ превосходство надъ ними большимъ обиліемъ проповѣдическихъ темъ, болѣе подробнымъ ихъ развитіемъ, болѣе богатымъ матеріаломъ для доказательства содержащихся въ нихъ истинъ, большимъ искусствомъ пріемовъ какъ въ очертаніи цѣлыхъ проповѣдей, такъ и отдѣльныхъ ихъ частей.

„Практическая Гомилетика“ протоіеря Толмачева состоитъ изъ четырехъ объемистыхъ томовъ (до 1,500 страницъ убористой печати). Первые два тома заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе развитыя темы для проповѣдей изъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенныхъ уставомъ на 32 недѣли по пятидесятницѣ; въ третьемъ и четвертомъ томахъ гомилетически разработаны воскресные евангелія и апостолы, читаемые въ періодъ времени поспой и цвѣтной тріодей. Въ предисловіи ко второму тому авторъ говоритъ: „двумя первыми томами заканчивается весь рядъ недѣль въ тріодѣ отъ первой до тридцать второй включительно.“ Но онъ не замѣчаетъ недочета нѣсколькихъ недѣль, относящихся къ этому отдѣлу, какъ то: предъ Воздвиженіемъ и по Воздвиженіи, предъ Рождествомъ Христовымъ и по Рождествѣ Христовѣ, предъ Просвѣщеніемъ и по Просвѣщеніи. Этотъ пробѣлъ допущенъ, безъ сомнѣнія, потому, что авторъ „Собесѣдовательнаго Богословія“ ограничился общимъ указаніемъ воскресныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, напечатаннымъ въ концѣ евангелія и апостола, и не обратилъ вниманія на частное указаніе мѣсяцеслова и типикона относительно вышеупомянутыхъ недѣль. Можно надѣяться, что протоіерей Толмачевъ, при второмъ изданіи своего сочиненія, восполнитъ это опущеніе и тѣмъ завершитъ свой многолѣтній и обширный трудъ.

Порядокъ гомилетическаго изслѣдованія евангелій и апостоловъ принятъ протоіереемъ Толмачевымъ слѣдующій: прежде всего устанавливается общій смыслъ и послѣдовательность мыслей всего зачала, съ отмѣткою отдѣловъ, представляющихъ содержаніе для поученій, затѣмъ излагаются частныя темы и расположенія проповѣдей, и притомъ сначала предлагаются расположенія болѣе развитыя, а потомъ краткія. Нельзя не одобрить этого порядка. Общее разъясненіе зачала проливаетъ свѣтъ на все частности и даетъ основанія для правильнаго раскрытія отдѣльныхъ истинъ, въ немъ заключающихся; подробное же развитіе болѣе главныхъ мыслей помогаетъ обстоятельному разъясненію второстепенныхъ, состоящихъ въ связи съ первыми и намѣченныхъ въ краткихъ расположеніяхъ. Составитель „Практической Гомилетики“ старался, по возможности, исчерпать все содержаніе зачалъ евангельскихъ и апостольскихъ и нужно отдать полную справедливость его тонкому анализу, давшему ему возможность выработать изъ каждаго зачала многочисленныя очертанія проповѣдей,—иногда болѣе двадцати. И однакожь, кладя въ слова Божія такъ глубокъ и обиліе, что желающій почерпнуть изъ него своимъ черпакомъ, минуя трудъ протоіеря Толмачева, можетъ еще извлечь оттуда обиліе воды живой. Напримѣръ, слова евангелія на недѣлю 18 по пятидесятницѣ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи*, полагаемая въ основу двухъ поученій, могутъ дать слѣдующую тему для новаго поученія: величіе благодѣяній Божіихъ должно возбуждать въ насъ смиреніе и покаяніе. Евангеліе въ недѣлю о Фомѣ, кромѣ предложенныхъ темъ, даетъ основаніе говорить о средствахъ побуждать

сомнѣній. Эти примѣры, число которыхъ можно значительно увеличить, приводятся въ опроверженіе возраженія противъ готовыхъ темъ, будто бы стѣсняющихъ самостоятельность проповѣдниковъ. Имѣющій нужду въ путеводителѣ долженъ быть благодаренъ указывающему путь, неимѣющій же въ томъ нужды совершаетъ путешествіе безъ сторонней помощи.

Большая часть избранныхъ протоіереемъ Толмачевымъ темъ вытекаютъ естественно изъ общаго содержанія или изъ частныхъ истинъ, заключающихся въ евангельскихъ и апостольскихъ зачалахъ; другія логически соединены посредствующими мыслями; но встрѣчаются и такія, которыя имѣютъ слабое и слишкомъ искусственное отношеніе къ полагаемому въ основаніе текету. Вотъ нѣсколько примѣровъ сихъ послѣднихъ. Изъ словъ фарисея: *мысль, якоже прочіе человеци* выводится тема—„Богъ знаетъ грѣшника; изъ текста *азъ есмь пастырь добрый*“ полагается въ основаніе проповѣди мысль: „разумъ, озаренный христіанствомъ, долженъ быть нашимъ добрымъ пастыремъ“; по поводу словъ: *и возметъ крестъ свой и по мнѣ ирдетъ* строится поученіе на „сравненіи креста съ лѣстницею, виденною (во свѣ) патриархомъ Іаковомъ; изъ словъ евангелія: *учителю, приводежъ сила моею къ тебѣ, и мучи духа твоя*, извлекается основное положеніе для проповѣди: „дѣйствія діавола во дни великаго поста“; поученіе на текетъ: *прииде Исусъ и ста посреди и глагола имъ: миръ вамъ*—имѣтъ предметомъ: „возвращеніе къ прежнимъ грѣхамъ; слова Ангела: *идите, рцете ученикомъ Ею и Петрови, яко варитъ вы въ Галлилеи: тамо Ею видите* преобразуются въ двѣ темы: а) „безсмертіе человѣческой души“ и б) „повелѣніе воскресшаго Господа своимъ проповѣдникамъ“; по случаю упоминанія въ дѣяніяхъ апостольскихъ о бѣднѣхъ вдовицахъ предлагается проповѣднику говорить о томъ, что „бѣдность обладаетъ всѣми существенными качествами доброй матери“. Можно бы привести еще нѣсколько подобныхъ натянутахъ темъ, напрасно помѣщенныхъ въ „Практической Гомилетикѣ“, столь богатой удачными темами. Съ другой стороны въ ней есть темы, имѣющія отношеніе къ евангельскому или апостольскому зачалу,—но не представляющія удобныя для составленія поученій,—какъ напримѣръ о томъ, что „общеніе имущества въ настоящее время было бы несправедливо и невозможно“, тѣмъ болѣе, что все доводы противъ коммунизма заимствованы изъ соображеній земнаго порядка и политической экономіи; или „о дѣйствительности и свойствахъ огня геенскаго“, или „объ обыкновенныхъ извиненіяхъ противъ нецѣломудрія“. Многія мысли, служащія къ раскрытію этихъ темъ, могли бы войти извѣстною стороною въ проповѣдь, но составлять изъ нихъ цѣлыя поученія едва ли удобно особенно по тому соображенію, что „Практическая Гомилетика“ предназначается въ пособіе не для ученыхъ и искусныхъ ораторовъ, а для большинства священниковъ.

Протоіерей Толмачевъ развиваетъ собранныя имъ для проповѣдей темы двоякимъ образомъ; оди изъ нихъ (болѣе половины) онъ раскрываетъ подробно съ раздѣленіями и подраздѣленіями, содержаніе другихъ очерчиваетъ кратко въ главныхъ положеніяхъ. Говоря вообще, эти расположенія удовлетворяютъ требованіямъ логики, а многія изъ нихъ отличаются тонкостью въ различеніи понятій и мыслей, кающихся на первый взглядъ одинаковыми. Но въ этой трудной и долгой разсудочной работѣ оказываются нѣкоторыя логическія грѣхопаденія. Иногда составитель „Практической Гомилетики“ располагаетъ части проповѣди, упу-

кая изъ виду основаіе дѣленія, такъ что отдѣлы ставятся одинъ подлѣ другаго случайно и произвольно; въ нѣкоторыхъ расположеніяхъ не соблюдаетъ разграниченія частей, такъ что одніе части входятъ въ другія; по мѣстамъ даетъ видъ дѣленія простому перечисленію предметовъ, какъ то: разныхъ случаевъ или примѣровъ, или выдаетъ за особый членъ дѣленія мысль, противоположную той, которая стоитъ впереди. Для доказательства этого можно указать на очертаніе проповѣдей о „фарисейской праведности“, объ „образѣ гордаго грѣшника“, о „мытарѣ въ храмѣ въ сравненіи съ фарисеемъ“, о „промыслѣ Божіемъ“, о „судѣ Божіемъ“, о томъ „какія свойства овцы мы христіане должны усвоить“, о „свойствахъ наемниковъ въ нравственномъ смыслѣ“, о томъ что „болѣзни происходятъ отъ руки Божіей“, о томъ, „когда мы особенно нуждаемся, чтобъ былъ съ нами воскресній Христосъ“ и т. п. Въ числѣ расположеній есть довольно такихъ которыя состоятъ изъ сравненія одного предмета съ другимъ. Здѣсь число членовъ дѣленія по различію взглядовъ можетъ быть увеличиваемо или уменьшаемо, а разстановка ихъ измѣняема. Сверхъ сего, подобные планы имѣютъ то неудобство, что составляемые по нимъ поученія страдаютъ однообразіемъ формы, приводятъ къ крайностямъ, т. е. къ поверхностнымъ свойствамъ или къ крайне тонкимъ различіямъ. Что касается до краткихъ очертаній поученій, то краткость ихъ доводится иногда до крайности, не дающей содержанія для проповѣди. Напримѣръ, на текстъ: *прославите Бога въ тѣлахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ*, расположеніе ограничивается слѣдующими указаніями: 1) Какъ прославляется Богъ въ тѣлахъ нашихъ? 2) Какъ прославляется Богъ въ душахъ нашихъ? Текстъ: *часъ уже намъ отъ насъ востати* даетъ тему: „сонъ современныхъ намъ христіанъ“, которая раздѣляется на слѣдующія краткія положенія: 1) Договоренный сонъ, 2) крѣпкій сонъ, 3) несчастный сонъ, 4) безпокойный сонъ, 5) удивительный сонъ, 7) весьма обыкновенный (всобщій) сонъ.

Темы, матеріалы и очертанія проповѣдей обыкновенно сравниваютъ съ костями и остовами. При обзорѣ обширнаго поля четырехъ томовъ „Практической Гомилетики“, усѣяннаго этими костями и остовами, невольно рождается вопросъ: *оживутъ ли кости сіи?* На это съ благонадежностью можно отвѣтить утвердительно, но съ допущеніемъ разныхъ степеней трудности возванія къ жизни этихъ остововъ, соотвѣтственно ихъ полнотѣ и правильности сочлененія. Тамъ, гдѣ предлагаются только главные члены безъ второстепенныхъ, потребуется много труда и сообразительности, чтобъ воспроизвести полный организмъ. Это нужно сказать о тѣхъ немногихъ начертаніяхъ проповѣдей протоіерея Толмачева, которыя состоятъ изъ двухъ—трехъ строкъ, содержащихъ только заглавія разныхъ частей проповѣди. Гораздо легче возбудить къ жизни полный составъ, коего члены скрѣплены связями и облечены плотію, хотя тощею, но храницею въ себѣ зародышъ жизни и, притомъ, снабжены средствами укрѣпленія и питанія. Таково большинство расположенія проповѣдей „Практической Гомилетики.“ Авторъ ея не ограничивается въ нихъ сухими начертаніями поученій, но даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе для нихъ; съ этою цѣлю онъ приводитъ множество текстовъ, часто пользуется изреченіями св. отцовъ, отрывками изъ богослужебныхъ книгъ, приличными народными пословицами; сверхъ того, предлагаетъ свои соображенія, указываетъ примѣры, наводитъ на сравненія, нерѣдко изъ-подъ его пера выходитъ даже порывъ чувства. Изъ такихъ элементовъ не трудно соста-

вить стройное, живое и назидательное поученіе. Встрѣчается и значительное число отдѣловъ, содержащихъ почти оконченныя проповѣди, которыя, въ случаѣ нужды, можно цѣлкомъ произнести съ пользою для слушателей. Развитіе нѣкоторыхъ частей сихъ поученій даже отзывается роскошью словъ и выраженій, едвали умѣстною въ такомъ родѣ сочиненій, какъ „Практическая Гомилетика“, особенно если сравнить убранство однихъ расположеній съ наготою другихъ.

Но „Практическая Гомилетика“ есть только пособіе, а всякое пособіе приноситъ пользу только при самостоятельной дѣятельности. Содержаніемъ и формою проповѣдей, предлагаемыхъ протоіереемъ Толмачевымъ, съ успѣхомъ воспользуется только тотъ проповѣдникъ, который отчетливо усвоитъ ихъ, согрѣетъ ихъ чувствомъ, облечетъ въ живое слово. А это вполне достигается только при трудѣ и содѣйствіи благодати Божіей, которая дѣйственно можетъ сказать служителю слова: *сынъ человекъ, пророчи на кости сіи!* и чрезъ его посредство ввести въ нихъ духъ жизни.

Переходя отъ обзорѣя формальныхъ достоинствъ и недостатковъ проповѣдническихъ темъ и расположеній къ сужденію объ ихъ содержаніи и отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ, должно сказать, что эта сторона „Практической Гомилетики“ отличается вѣрностью и согласіемъ съ ученіемъ православной Церкви. Можно только замѣтить въ содержаніи немногихъ расположеній нѣкоторыя крайности, зависящія отъ увлеченія какою либо мыслию, такъ что, при сопоставленіи одного расположенія съ другимъ, является между ними нѣкоторое несогласіе. Напримѣръ въ IV очертаніи проповѣди въ недѣлю о Ѳомѣ говорится о „предоудительномъ упрямствѣ въ дѣлѣ вѣры“ и апостолъ Ѳома называется *упрямымъ*; онъ даже поставленъ въ число людей, „своевольно оставляющихъ добро“ (т. IV стр. 37 и 38); темою же для расположенія X служитъ положеніе, что „сомнѣніе апостола Ѳомы совершенно отлично отъ сомнѣнія толпы невѣрующихъ“, и утверждается, что „въ основаніи сомнѣній этого апостола не скрывается никакихъ нравственно-предосудительныхъ причинъ“. Встрѣчается и нѣкоторыя обмолвки, зависящія отъ преувеличенія выраженій, ихъ оригинальности и неточности. Къ числу такихъ неудачныхъ выраженій можно отнести слѣдующія: „Воскресеніе Господа есть величайшее непостижимѣйшее чудо; но было бы *еще большимъ чудомъ*, если бы Церковь продолжала существовать, какъ до нынѣ существуетъ, а Христосъ не воскресъ бы“ (предисл. къ IV тому); „Спаситель побѣдилъ страданія силою своего благочестиваго чувства“ (т. III, 206); „Богъ исполнилъ все, на что надѣялся Христосъ“ (210); „еслибы Христосъ опасался, что его страданія смерть останутся безъ благотворныхъ послѣдствій для Него Самого и для человѣчества: то могъ ли бы Онъ спокойно идти на встрѣчу смерти“? (стр. 213); „смерть Спасителя ужасна, потому что онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда не охотно разлучаются съ жизнію“ (стр. 240); „если слезы Спасителя не дѣйствуютъ, то не дѣйствуетъ все евангеліе“ (стр. 243); „Христосъ на опустѣвшемъ гробѣ основалъ Церковь“ (т. IV стр. 27). Въ примѣненіи темы что „Иисусъ Христосъ можетъ проникать дверемъ затвореннымъ“, невѣрно утверждается, что онъ входитъ въ сердце члвѣка, когда оно закрыто, и преувеличенно говорится: „не было ли въ самой Церкви по временамъ закрытыхъ дверей для Господа“? (стр. 42). Въ сужденіи о состояніи 38-лѣтняго разслабленнаго допускается ни на чемъ не основанное предположеніе, что „страданія его возбуждали въ немъ желаніе смерти“ (стр. 81). Въ указаніи побужденій къ избѣжанію блудодѣянія ставятся положенія: 1) ради Бога

Отца, сотворившаго васъ по своему образу и подобію; 2 ради Бога Сына искупившаго васъ; 3) ради Бога Духа Святаго, освятившаго васъ (т. III стр. 45). Первое положеніе не выдерживаетъ строгой богословской критики. Оригинальна также мысль, что „нѣкогда всѣ породы животныхъ будутъ такими же, какъ и до паденія человѣка“ (стр. 91). Невѣрно утвержденіе, будто бы „св. Церковь заключаетъ всѣ молитвы именемъ „Иисуса Христа, Господа нашего“ (стр. 100). Такая заключительная формула молитвъ существуетъ въ церквяхъ римско-католической и протестантской, а не въ православной въ которой молитвы оканчиваются славословнымъ обращеніемъ къ св. Троицѣ. Приведенные примѣры неточностей показываютъ, что онѣ не имѣютъ особой важности; но жаль встрѣчать оныя въ такомъ почтенномъ трудѣ, какъ разбираемый трудъ протоіерея Толмачева. Равно и немногія иностранныя и простонародныя слова: прогрессъ, революція, перлы, кутежъ, тискаться, пускаться въ ходъ, карабкаться, рыться въ писаніи, представляютъ въкрадшимися помимо вниманія автора, обладающаго вообще языкомъ правильнымъ и чистымъ. Автору необходимо обратить вниманіе на всѣ выше указанные и подобныя имъ недосмотры и, при новомъ изданіи, исправить оныя.

Въ концѣ IV тома „Практической Гомилетики“ напечатаны два указателя—алфавитный и систематическій—предметовъ, содержащихся во всѣхъ четырехъ томахъ. За это прибавленіе, требовавшее отъ составителя много труда, служители слова должны быть благодарны протоіерею Толмачеву. Оно даетъ имъ возможность при составленіи поученій на данную тему пользоваться всеми матеріалами, относящимися къ избранному предмету, и содержащимися во всѣхъ четырехъ томахъ. Особенно же эти указатели облегчаютъ трудъ проповѣдниковъ, предпринимающихъ рядъ систематическихъ проповѣдей объ истинахъ вѣры и нравственности.

По сведеніи къ общему итогу всего вышесказаннаго, оканчивается, что „Практическая Гомилетика“ протоіерея Толмачева есть трудъ весьма почтенный, отличающийся вообще многотрудною и успѣшною логическою работою, богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, проникнутый духомъ православнымъ, согрѣтый высокимъ чувствомъ и выраженный языкомъ чистымъ и живымъ. По всѣмъ симъ качествамъ, справедливо требуетъ признать его за весьма полезное пособіе какъ для приготовляющихся къ проповѣдническому служенію, такъ и для проходящихъ оное, а потому и рекомендовать для приобрѣтенія какъ въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій, такъ и въ церковныя бібліотеки.

Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что премія преосвященнаго архіепископа Макарія преимущественно предназначена за лучшіе учебники по предметамъ семинарскаго и училищнаго образованія, а между тѣмъ сочиненіе протоіерея Толмачева рекомендовано для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ не въ качествѣ учебнаго руководства, а лишь какъ учебное пособіе, имѣющее притомъ преимущественное значеніе для лицъ, уже практически занимающихся церковною проповѣдью, Святейшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 25-го января—8-го февраля 1878 г., постановилъ назначить протоіерею Толмачеву за означенное сочиненіе, на точномъ основаніи п. 2 и примѣчанія къ оному и п. 14 положенія о преміи преосвященнаго Макарія, половинную премію въ 500 рублей.

РАСПОРАЖЕНІЕ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКАГО ЕПАРХИАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

отъ 8—10 іюня сего 1878-го года о напечатаніи въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ извлеченія изъ Высочайшихъ Повелѣній о церковномъ пѣніи.

Директоръ придворной пѣвческой капеллы отношеніемъ къ Его Высокопреосвященству отъ 24 мая сего года за № 310, съ препровожденіемъ извлеченія изъ Высочайшихъ повелѣній о церковномъ пѣніи и цензурѣ духовно-музыкальныхъ сочиненій, которое въ настоящее время онъ призналъ за необходимое печатать на аттестатахъ, выдаваемыхъ изъ придворной капеллы на право регентства, проситъ приказать регентамъ пѣвческихъ хоровъ Холмско-Варшавской епархіи принять къ руководству упомянутыя въ извлеченіи Высочайшія повелѣнія для точнаго и неуклоннаго исполненія ихъ, присовокупляя при этомъ, что тѣмъ изъ регентовъ, которые пожелаютъ переменить аттестатъ, предоставляется обратиться въ канцелярію придворной капеллы. Велѣдствіе сего въ Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи постановлено и Его Высокопреосвященствомъ, утверждено: препровожденное директоромъ придворной пѣвческой капеллы извлеченіе изъ Высочайшихъ повелѣній о церковномъ пѣніи напечатать въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ для точнаго и неуклоннаго исполненія регентами всѣхъ находящихся въ Холмско-Варшавской епархіи пѣвческихъ хоровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

I. Награжденія набедренникомъ.

Настоятели церквей: Кибартской—священникъ Николай Клодницкій, Пултуской—священникъ Александръ Баталмъ, Яновской—священникъ Епифаній Сынцукій и Слупецкой—священникъ Іоаннъ Панкевичъ; за усердное исполненіе пастырскихъ обязанностей Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренникомъ.

2. Утвержденіе въ должностяхъ эконома и назначенія Варшавскаго Архіерейскаго дома.

Архипастырскимъ Его Высокопреосвященства предложеніемъ Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи 27 мая с. г. исправляющей должность эконома Варшавскаго Архіерейскаго дома іеромонахъ Геронтій и исправляющей должность казначея того же дома іеромонахъ Лаврентій, оказавшіеся достаточно знакомыми съ хозяйственною частью и вполне способными и благонадежными къ прохожденію порученныхъ имъ должностей, утверждены—первый экономомъ, а второй казначеемъ Варшавскаго Архіерейскаго дома.

ОТДѢЛЪ II.

СЛОВО¹⁾

въ день св. Леонтія епископа Ростовскаго Чудотворца.

*Азъ есть пастырь добрый:
пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. (Іоан. гл. 10, ст. 11).*

Одинъ только Богочеловѣкъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ могъ съ совершенною истиною сказать это о Себѣ, ибо Онъ только одинъ всецѣло принесъ Себя въ жертву за спасеніе людей, а всякій обыкновенный человѣкъ, облеченный званіемъ пастыря словесныхъ овецъ стада Христова, если бы даже положилъ за нихъ душу свою, то принесъ бы эту жертву въ тоже время и за себя самого.

Однако же, когда Господь Спаситель нашъ говорить о Себѣ: „Азъ есть пастырь добрый“, то очевидно указываетъ на Себя, какъ на первообразъ, которому пастыри церкви должны уподобляться, по мѣрѣ возможности. И только тотъ и есть истинный пастырь, кто, поставивъ главною цѣлью своей жизни и дѣятельности спасеніе вѣрющей ему паствы, стремится къ достиженію этой цѣли съ апостольскимъ самоотверженіемъ, не щадя для этого ни силъ своихъ, ни трудовъ, ни даже самой жизни.

И, благодареніе Всевышнему, въ нашей св. православной Церкви всегда были и будутъ такіе добрые пастыри. Къ числу первыхъ изъ нихъ принадлежитъ и нынѣ празднуемый святитель и чудотворецъ Ростовскій св. Леонтій. Онъ жилъ въ то время, когда отечество наше было еще большею частью погружено въ глубокий мракъ язычества. Ему надлежало проповѣдывать евангеліе и насаждать церковь Христову среди народа грубаго, полудикаго, закоснѣлаго въ языческихъ суевѣріяхъ; но добрый пастырь не устранился этого подвига и апостольскую ревность о спасеніи паствы своей запечатлѣлъ своею кровію.

Подражателемъ Ростовскаго святителя является въ своей дѣятельности и соименный ему нашъ Архипастырь, которому Провидѣніемъ Божиимъ вѣрена паства еще юная въ большинствѣ своемъ, еще не окрѣпшая въ православныхъ убѣжденіяхъ и притомъ постоянно подверженная непріязненнымъ противъ нея покусеніямъ окружающей ее иновѣрной среды. Пастырское служеніе въ церкви составляетъ во-

обще не легкій подвигъ, особенно въ нынѣшній вѣкъ, когда безвѣріе среди христіанскихъ обществъ какъ зараза переходитъ отъ однихъ къ другимъ; когда духъ гордости и своекорыстія, овладѣвъ сердцами людей, производитъ въ нихъ жалкое охлажденіе къ вѣрѣ; отъ котораго послѣдовательно гаснетъ духъ любви, — этой зиждущей силы христіанства.

Восколько же разъ должно быть труднѣе „право править слово истинны“, т. е. возстановлять, насаждать и утверждать вѣру православною въ странѣ, гдѣ пастырю церкви приходится вести безпрерывную борьбу не только съ непріязненнымъ духомъ вѣка, но еще и съ враждебными православію вѣроисповѣдческими предубѣжденіями! По истинѣ это трудъ требующій и ангельской кротости и апостольскаго самоотверженія и не ослабѣвающей ревности къ проповѣданію слова Божія; „это подвигъ, который можетъ быть совершенъ только добрымъ пастыремъ, готовымъ положить душу свою за овецъ своихъ“.

Но ужели этотъ трудъ, этотъ подвигъ долженъ быть предоставленъ исключительно однимъ пастырямъ церкви? Ужели не могутъ и не обязаны принимать въ немъ участіе все истинные послѣдователи Христа Спасителя, все добрыя чада церкви православной?

Конечно просвѣщать и утверждать людей въ вѣрѣ христіанской посредствомъ проповѣди слова Божія — обязанность преимущественно лицъ, облеченныхъ благодатію священства. Но нельзя сказать, чтобы эта обязанность была совершенно чуждою для лицъ мірскихъ. Вотъ наприимѣръ, когда отецъ или мать семейства учатъ дѣтей своихъ молиться Богу, когда объясняютъ имъ начатки православнаго вѣроученія и внушаютъ правила христіанской дѣятельности; то этимъ совершаютъ они дѣло проповѣди слова Божія въ своей домашней церкви. И какъ бы увеличилось и распространилось добро на свѣтѣ, еслибы родители и вообще лица, коимъ ввѣряется воспитаніе молодаго поколѣнія, исполняли это дѣло съ должнымъ усердіемъ и любовію; если бы они старались раньше знакомить дѣтей съ евангеліемъ, чѣмъ съ разными свѣтскими книгами, посредствомъ коихъ нерѣдко, хотя незамѣтно, вливается въ дѣтскія сердца тонкій нравственный ядъ.

Но скажу опять, что распространять свѣтъ ученія Христова словомъ — обязанность преимущественно пастырей церкви, за то поучать другихъ примѣромъ собственной, богобоязненной жизни — домъ всѣхъ и каждаго изъ насъ безъ изыятія. Ибо Христосъ Спаситель всемъ христіанамъ, какъ пастырямъ, такъ и пасомымъ заповѣдалъ: „*Тако да просвѣтитъ ся свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ*“ (Матѣ. гл. 5, ст. 16).

¹⁾ Произнесено 23-го мая с. г., въ Радомской Свято-Николаевской церкви, при совершеніи въ ней Божественной литургии, Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ Архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ.

Каждый и каждая изъ насъ имѣетъ извѣстный кругъ дѣятельности, вращается въ извѣстной средѣ общества, на которую можетъ производить, смотря по своимъ нравственнымъ качествамъ, благотворное или же вредное вліяніе. Что можетъ, напримѣръ, успѣвшии посадить и утвердить въ сердцахъ дѣтей сѣмена христіанскихъ добродѣтелей, какъ не то, когда родители служатъ живымъ образцомъ доброй, богобоязненной, истинно - христіанской жизни? А на оборотъ, можетъ ли выйти честная, благочестивая, нравственно - прекрасная личность изъ такой семьи, въ которой нѣтъ благочестія и страха Божія, въ которой дитя съ младенчества прислушивается къ пустословію, злорѣчію, къ пересудамъ, приучается недоволю къ превозношенію, лжи, лицемерію и разнымъ другимъ подобнаго рода недостаткамъ и порокамъ?

Послѣ семьи весьма важное значеніе въ нравственномъ воспитаніи человѣка, какъ извѣстно, имѣетъ школа. Самое слово „образованіе“ указываетъ на то, что главнѣйшею задачею школы есть обновленіе въ человѣкѣ образа Божія, съ которымъ неразрывно соединяется понятіе о нравственномъ добрѣ и красотѣ. Никакое знаніе, никакая ученость не могутъ принести человѣчеству существенной пользы, коль скоро они не утверждаются на почвѣ религіи. „Источникъ премудрости слово Божіе“ и „вѣнецъ мудрости страхъ Господень“, говоритъ премудрый (Сирах. 1, 5 и 18). Поэтому то лица, коимъ ввѣряется воспитаніе юношества, должны первѣе всего заботиться объ утвержденіи въ немъ страха Божія. При этомъ условіи и всякое ученіе будетъ успѣвшии и несомнѣнно принесетъ добрые плоды. — Говоря это, я вовсе не думаю, что воспитатель долженъ какъ можно чаще читать своимъ воспитанникамъ бездушную, сухую мораль. Нѣтъ. Здѣсь нуженъ живой примѣръ. Надобно, чтобы воспитанникъ видѣлъ въ своемъ руководителѣ не наемника, который только ради корыстныхъ цѣлей исполняетъ свою должность, а человѣка всею душою преданнаго своему дѣлу, проникнутаго любовію къ своимъ питомцамъ и притомъ нелицемѣрно религіознаго. Цвѣтокъ склоняется въ ту сторону, откуда свѣтитъ солнце, и быстро раскрываетъ свою чашечку подъ вліяніемъ его животворнаго луча. Такъ точно и дѣтское сердце раскрывается для принятія всего того, что дышетъ искренностью и сердечною теплотою. И сколько при этомъ условіи можно посѣять добра въ воспримчивой душѣ дитяти, если только воспитатель самъ не чуждъ добродѣтели.

Но сколько наоборотъ можетъ причинить вреда нравственно-религіозному развитію молодаго поколѣнія такой воспитатель, отъ котораго вѣетъ мертвящимъ холодомъ, или, что въ тысячу разъ хуже, когда онъ самъ, будучи зараженъ вольнодумствомъ и

суетными мнѣніями вѣка, незамѣтнымъ образомъ зароняетъ въ сердца питомцевъ пагубныя сѣмена безвѣрія, или по меньшей мѣрѣ холодности къ вѣрѣ, легкаго отношенія къ уставамъ церкви, неуваженія къ ея служителямъ и т. п. Сколь велико могущее произойти отсюда зло и какъ пагубны его послѣдствія для общества, объ этомъ распространяться нечего, это понятно всѣмъ и каждому.

Я считаю долгомъ сказать въ заключеніе только то, что всѣ мы — и духовные и міряне, и ученые и неученые, и начальствующіе и подчиненные, какъ члены единаго тѣла Христова, какъ чада единой православной церкви, должны всѣми силами, и не столько словомъ, сколько примѣромъ собственной жизни и дѣятельности, поощрять, поддерживать и утверждать другъ друга на пути истины и добра. Но для этого необходимо, чтобы взаимныя отношенія наши отличались искренностью и прямою, чтобы они были чужды высокомерія, своекорыстія, лицемерія и лукавства, словомъ, чтобы въ насъ царствовала духъ Христовъ, ибо только такимъ образомъ мы больше или меньше можемъ уподобляться Верховному Пастыреначальнику Господу и Спасителю нашему І. Христу. Аминь.

Протоіерей Ивановскій.

Краткая исторія Холмско-Варшавской епархіи.

1. Состояніе православныхъ церквей и монастырей въ царствѣ польскомъ до учрежденія архіерейской каедрѣ въ Варшавѣ.

Предъ учрежденіемъ Варшавской Архіерейской каедрѣ въ предѣлахъ царства Польскаго, составляющихъ нынѣ территорію Холмско-Варшавской епархіи, было шесть ¹⁾ православныхъ приходскихъ церквей: *Варшавская* Свято-Троицкая на улицѣ подвальной, *Люблинская* Рождество-Богородичная, *Опатовская* во имя св. великомученика Георгія въ Радомской губерніи, *Петроковская* во имя всѣхъ свитыхъ, *Калишская* во имя св. Аѳанасія Александрійскаго и *Дрогичинская* Преображенская, и одинъ монастырь *Яблочинскій* во имя преподобнаго Онуфрія великаго на берегу р. Буга въ б. Люблинскомъ воеводствѣ — нынѣ въ Сѣдлецкой губерніи Бѣльскаго уѣзда.

По недостатку историческихъ документовъ не

¹⁾ Не считая церковей военнаго вѣдомства, каковыхъ въ одной Варшавѣ намъ извѣстны три, — одна въ королевскомъ замкѣ, состоявшая въ непосредственномъ вѣдѣніи б. оберъ-священника дѣйствующей арміи, — другая въ Уздовскомъ военномъ госпиталѣ и третья — въ Александровской цитадели, временно устроенная въ мѣстныхъ казармахъ.

возможно съ достовѣрною точностью опредѣлить, когда именно и кѣмъ основанъ Яблочинскій монастырь. Въ историческомъ извѣстїи о возникшей въ Польшѣ уніи Бантыш - Каменскаго ¹⁾ упоминается, что въ 1753-мъ году Базиліане, при нападенїи на эту православную обитель, вмѣстѣ съ монастырскими вещами забрали *и документы на монастырское имѣніе*. Въ числѣ не многихъ уцѣлѣвшихъ документовъ Яблочинскаго монастыря остается грамота короля Сигизмунда I, данная 1522-го года 1 августа въ подтвержденіе купчей на продажу сель Яблочна и Константиновиче вмѣстѣ „съ монастыремъ св. Онуфрія, при р. Бугѣ находящимся ²⁾“; бывшій тогда владѣлецъ названныхъ сель Иванъ Ивановичъ Забржезинскій, воевода Новогородскій и маршалокъ великаго княжества Литовскаго, продалъ эти села Георгію Гличу старостѣ Брестскому; изъ этого документа видно, что Яблочинскій монастырь существовалъ уже въ первой четверти 16-го столѣтія, еще до учрежденія іезуитскаго ордена (1540 г.), когда православная вѣра въ здѣшнемъ краѣ пользовалась полною свободою и спокойствіемъ. Отъ кого перешло упомянутое имѣніе къ Ивану Забржезинскому и кому оно передано Георгіемъ Гличемъ, объ этомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Нельзя полагать, чтобы основателемъ Яблочинскаго монастыря былъ Забржезинскій, о которомъ, равно какъ и о преемникѣ его по имѣнію Георгіѣ Гличѣ, во все не упоминается въ позднѣйшихъ памятникахъ означеннаго монастыря. Въ древнемъ напрестольномъ Евангелїи, хранящемся въ ризницѣ Яблочинской монастырской церкви, сохранилась запись ³⁾, начертанная въ 1624-мъ году 9 мая по распоряженію преосвященнаго Паисія Черковскаго и имъ самимъ подписанная; преосвященный Паисій былъ послѣднимъ до введенія уніи православнымъ епископомъ Холмскимъ; не признанный въ своихъ правахъ на Холмскую кафедру, онъ не могъ пребывать въ Холмѣ и поселился съ 1620 года въ Яблочинской обители въ качествѣ настоятеля ея. Въ сдѣланной имъ записи на Евангелїи названа, въ качествѣ *першихъ давнихъ ктиторовъ св. обители сей, пани Богушева*, надѣлившая обитель св. Онуфрія фундушами — землями и угодьями изъ своего имѣнія, а въ качествѣ новыхъ благодѣтелей тойже обители названы князь Александръ Пронскій каштелянъ Троцкій и супруга его Феодора Сангушковна, владѣтельница (*дюдичка*) окрестнаго имѣнія, и потомки ихъ Рафаилъ Лещинскій воевода Бельзскій и супруга его, родовая владѣтельница (*дюдичка*)

того-же имѣнія ¹⁾. Въ 1659-мъ году Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ въ грамотѣ своей, данной Яблочинскому монастырю, положительно упоминаетъ, что этотъ монастырь основанъ въ древнія времена знаменитыми вельможами Богушами ²⁾. А тогда, равно какъ и во время управленія преосвященнымъ Паисіемъ Яблочинскою обителью, документы на монастырское имѣніе, забранные, какъ выше показано, въ 1753-мъ году, были еще въ цѣлости; поэтому не вѣроятно, чтобы въ то время не достовѣрно было извѣстно имя основателя Яблочинскаго монастыря и чтобы въ упомянутой записи опущено было это имя. При такихъ соображеніяхъ и въ виду приведенныхъ извѣстїи изъ оставшихся документовъ мы приходимъ къ заключеніямъ, что Яблочинскій монастырь, согласно существующему въ немъ преданію, получилъ свое начало еще въ 15-мъ вѣкѣ отъ благочестивой княгини Богушь, владѣтельницы окрестнаго имѣнія, что непосредственными преемниками ея по имѣнію и *первыми ктиторами* монастыря были вельможи Богуши родственники первой основательницы его, что отъ нихъ это имѣніе перешло къ Ивану Забржезинскому, потомъ къ Георгію Гличу, а отъ него къ православнымъ князьямъ Сангушкамъ ³⁾ и къ упомянутой въ записи на Евангелїи княжнѣ Феодорѣ Сангушковнѣ, вышедшей за мужъ за князя Александра Пронскаго, и къ потомкамъ ихъ Лещинскимъ, послѣднимъ изъ владѣльцевъ благодѣтелямъ и покровителямъ Яблочинскаго монастыря.

По справедливому и вѣскому замѣчанію г. Крыжановскаго ⁴⁾, Яблочинскій монастырь до Брестской уніи 1596-го года не имѣлъ особаго значенія въ окрестномъ народѣ и оставался будто никѣмъ не замѣченнымъ; но по мѣрѣ распространенія уніи распространялось и его значеніе: окрестное православное стадо, лишаемое пастырей и церковей, совращаемыхъ въ унію, обращалось къ Яблочинскому монастырю и въ немъ находило утѣшеніе въ религіозныхъ смутахъ, подкрѣпленіе своимъ православнымъ убѣжденіямъ и удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. На основанїи записей въ *помянникѣ* Яблочинскаго монастыря за время съ 1640-го года почти до половины 18-го столѣтія г. Крыжановскій по самомъ добро-

¹⁾ Нужнымъ считаемъ замѣтить, что упомянутая запись преосвященнаго Паисія на сквозь проникнута задушевною, благоговѣнною признательностью къ основателямъ и благодѣтелямъ Яблочинскаго монастыря, отличавшимся, какъ видно, благочестіемъ и добродѣтелями.

²⁾ Опис. Варш. епархіи Пр. Лотоцкаго, стр. 215.

³⁾ Въ помянникѣ Яблочинскаго монастыря внесены имена благовѣрнаго князя Феодора Андреевича Сангушки и князя Василія Михайловича Сангушки.

⁴⁾ Холм. Мѣсяцесловъ за 1870-й г. стр. 46.

¹⁾ Изд. 1866 г. стр. 283.

²⁾ Опис. Варш. епархіи Прот. Лотоцкаго. Сличу Холм. Мѣсяц. за 1870 г. стр. 98.

³⁾ Напечатана цѣликомъ въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ за 1870 г. стр. 109—111.

совѣстномъ и кропотливомъ разсмотрѣніи означеннаго письменнаго памятника, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что при многихъ изъ этихъ записей показаны годы ихъ и почти при каждой изъ нихъ означено мѣсто жительства вписанныхъ лицъ, пришелъ къ несомнѣнному заключенію ¹⁾, что въ большей части приходовъ по обѣимъ сторонамъ р. Буга на значительномъ пространствѣ по переходѣ приходскихъ священниковъ и передачѣ церквей въ унию весьма много лицъ долго еще, изъ рода въ родъ, оставались въ православіи; для такихъ лицъ монастырская церковь была приходскою; подъ руководствомъ и охраною монастыря они крѣпко стояли въ православіи и передавали его своимъ дѣтямъ и потомкамъ, пока наконецъ послѣдніе во второй половинѣ 18-го столѣтія окончательно увлечены были въ унию и въ латинство.

Пока владѣльцы окрестнаго монастыря имѣнія были православные, доголѣ монастырь пользовался ихъ попеченіемъ, покровительствомъ и защитою отъ униятскихъ нападений. Такъ Рафаилъ Лещинскій въ 1624-мъ году, какъ видно изъ записи преосвященнаго Пансія по просьбѣ его, прибавилъ къ монастырскимъ фундушамъ участокъ своихъ земель „въ селѣ Яблочномъ“. Другой Лещинскій Владиславъ, подкоморій Бреста-Литовскаго, оставилъ по себѣ память своимъ попеченіемъ о благоустройствѣ Яблочинскаго монастыря; когда оказалось, что монастырскія зданія въ половинѣ 17-го вѣка пришли въ состояніе ветхости; то Владиславъ Лещинскій обратился къ настоятелю Мѣлецкаго на Волыни тогда еще православнаго монастыря архимандриту Іосифу Чаплицу и просилъ его прислать въ Яблочинскій монастырь, бывший въ его же вѣдѣніи, способнаго и опытнаго іеромонаха для возстановленія монастыря и управленія имъ. Прибывшій вслѣдствіе сего изъ Мѣлецкой обители іеромонахъ Макарій Корниловичъ, вступивъ въ управленіе Яблочинскимъ монастыремъ въ званіи игумена, построилъ церковь, колокольню, трапезу, кельи и хозяйственныя заведенія и увеличилъ составъ монастырской братіи; за что и получилъ одобреніе Кіевского митрополита Діонисія въ вышеупомянутой грамотѣ 1659-го года. Третій Лещинскій графъ Андрей, какъ только узналъ, что настоятель Мѣлецкаго монастыря преемникъ Чаплица уклонился въ унию, немедленно грамотою отъ 27-го октября 1670-го года прекратилъ всякое общеніе Яблочинской обители съ отступникомъ и передалъ ее подъ власть православнаго епископа Луцкаго князя Гедсона Четвертинскаго ²⁾. Такимъ образомъ православные владѣльцы окрестна-

го имѣнія были благодѣтелями и покровителями Яблочинскаго монастыря и даже охранителями его православія; называя его своимъ монастыремъ, они и крестьянъ своихъ располагали къ посѣщенію монастырской церкви; славные своимъ благочестіемъ и добродѣтелями, они во всемъ окрестномъ населеніи поддерживали преданность православію и возвышали уваженіе къ своему монастырю, и какъ сильные защитники, обезпечивали его отъ нападений униятскихъ.

Подъ конецъ 17-го вѣка Яблочинскій монастырь пересталъ пользоваться покровительствомъ окрестныхъ владѣльцевъ, уже чуждыхъ православію, а съ теченіемъ времени сталъ подвергаться фанатическимъ нападениямъ отъ униатовъ и разнымъ притѣсненіямъ отъ своевольной шляхты, составлявшей владѣльческую экономію окрестнаго Радзивилловскаго имѣнія. Въ 1753-мъ году Могилевскій епископъ между прочимъ доносилъ святѣйшему синоду, что благочестивые монастыри въ Польшѣ Яблочинскій и Брестскій терпятъ не спосное гоненіе отъ униатовъ и что базилиане при нападении на эти православныя обители забрали оттуда монастырскія вещи и документы на монастырское имѣніе; когда же игумены тѣхъ обителей стали просить о возвращеніи забраннаго у нихъ имущества: то базилиане, угрожая и совѣмъ отнять у нихъ монастырь, сначала осыпали просителей ругательствами на православное священство, на патриарховъ и Кіевскихъ митрополитовъ какъ „не у Святѣйшаго папы, но у царицы Московской? чинъ получающихъ, а потомъ бросились на игуменовъ съ такою запальчивостію, что моглибы до смерти прибить ихъ, если бы нѣкоторые изъ шляхты не защитили ихъ. Въ то время, какъ видно изъ тогожъ донесенія Могилевскаго епископа, въ вѣдѣніи монастырей Яблочинскаго и Брестскаго было нѣсколько тысячъ благочестивыхъ прихожанъ; противъ нихъ-то главнымъ образомъ направлена была фанатическая ревность базилианъ: эти ярые пропагандисты униатства не допускали православныхъ христіанъ къ исповѣди и святому причащенію въ монастырской церкви, во время св. литургіи ругательски входили въ церковь съ собаками и выгоняли оттуда богомольцевъ, запрещали совершать крестные ходы и провожать умершихъ къ могиламъ, за право погребенія по православному обряду брали особый денежный окупъ и т. п. ¹⁾.

Получивъ донесеніе о такихъ гоненіяхъ на православныхъ жителей посполитой рѣчи польской, русская императрица Елисавета Петровна въ рескриптѣ своемъ отъ 23-го сентября 1753-го г. посланнику своему въ Варшавѣ Гроссу между прочимъ писала: „Касательно единовѣрныхъ Брестскаго и Яблочинскаго

¹⁾ Тамъ-же стр. 50.

²⁾ Опис. Варш. епархіи прот. Лотоцкаго, стр. 231.

¹⁾ Истор. изв. объ униі Б. Кам. стр. 283 и 284.

монастырей употребите рачительнѣйшее стараніе переходатайствовать достаточное удовлетвореніе въ приключенныхъ игуменамъ тѣхъ обителей наглостяхъ, также и въ немедленномъ возвращеніи монастырскаго, своевольниками похищеннаго имущества, и чтобы впредь тѣмъ монастырямъ подобныхъ притѣсеній и ругательствъ отъ базилианъ отнюдь не было¹⁾. Въ царствованіе Екатерины Великой 1768-го года 13-го февраля заключенъ между Всероссийскою имперіею и польскою рѣчью польскою „вѣчный трактатъ дружбы“, къ которому присоединенъ былъ особый *сепаратный актъ*, обеспечивающій свободное исповѣданіе вѣры православнымъ и вообще диссидентскимъ жителямъ рѣчи польской; 8-мъ пунктомъ означеннаго акта охранялась неприкосновенность Яблочинскаго монастыря и другихъ православныхъ обителей съ ихъ „фундаціями“—землями и угодьями²⁾.

При такомъ покровительствѣ Яблочинскому монастырю со стороны русскаго правительства уніатскія и латино-польскія власти не рѣшались насильно завладѣть монастыремъ, а склонить къ уніи монастырскую братію при всѣхъ своихъ проискахъ, прельщеніяхъ и угрозахъ не успѣли. Сильный преданіемъ о примѣрномъ благочестіи первыхъ основателей и послѣдующихъ благодѣтелей своихъ, Яблочинскій монастырь, какъ неподвижная скала среди волнъ морскихъ, остался не поколебимымъ памятникомъ древняго православія въ здѣшнемъ краѣ, пережившимъ Польское государство. Однакожъ покровительство русскаго правительства не могло предохранить Яблочинскій монастырь отъ своеволия сосѣдней шляхты, а также отъ уніатской и латино-польской пропаганды въ окрестномъ населеніи во вредъ монастырю. Управленіе радзивилловскаго имѣнія по временамъ самовольно распоряжалось монастырскими землями³⁾, а потомъ значительную часть ихъ на правой сторонѣ Буга самоуправно присвоило себѣ на долгое время, — пользовалось имъ до 1838-го года, когда онъ возвращены монастырю; сверхъ-того монастырь не могъ, удержать за собою тѣхъ многочисленныхъ прихожанъ, которые прежде до второй половины 18-го вѣка во всѣхъ своихъ духовныхъ потребностяхъ обращались къ монастырской церкви, ходили туда на богослуженіе и поддерживали благосостояніе монастыря своими посильными приношеніями. Сосѣднее уніатское духовенство всячески старалось отвлекать окрестное населеніе отъ посѣщеній монастыря. Приходской настоятель сосѣдняго мѣстечка Славатычъ священникъ Константинъ Мазановскій разставлялъ по дорогамъ

сторожей, чтобы не пропускать идущихъ въ монастырь богомольцевъ, отбиралъ у нихъ воскъ и свѣчи, которыя несли они въ монастырскую церковь, и построивъ при дорогѣ въ монастырь каплицу, совершалъ въ ней литургію въ храмовой праздникъ монастыря 12-го іюня, останавливалъ прохожихъ, съ крикомъ и проклятіемъ гналъ ихъ въ свою каплицу и распространялъ въ народѣ пелѣную молву, что чудотворная икона св. Онуфрія, вслѣдствіе оскудѣнія вѣры въ монастырской братіи, будто бы перешла въ эту каплицу и что напрасно уже ходить на богослуженіе въ монастырскую церковь¹⁾. Пока однакожъ ближайшее къ монастырю многолюдное село Яблочино не имѣло приходской церкви, жители его все еще оставались православными, ходили въ монастырь и составляли его прихожанъ. Но когда управленіе радзивилловскаго имѣнія построило въ селѣ Яблочинѣ приходскую церковь, опредѣлило къ ней уніатскаго священника и запретило своимъ крестьянамъ ходить въ монастырскую церковь, тогда и послѣдніе прихожане монастыря увлечены были въ унію. При всемъ томъ окрестное населеніе во все время уніи въ б. Холмской епархіи не теряло уваженія къ Яблочинскому монастырю, въ которомъ оно чтитъ памятникъ своей старины; продолжало по временамъ посѣщать монастырскую церковь и особенно стекалось туда изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей въ день св. Онуфрія 12-го іюня въ храмовой праздникъ монастыря. Такія посѣщенія были однакожъ далеко не такъ часты, что бы могли доставлять монастырю значительныя средства къ поддержанію подобающаго ему благоустройства. Не имѣя постоянныхъ прихожанъ и теряя въ правомъ берегу Буга часть своихъ земель, отторгнутыхъ арендаторомъ радзивилловскаго имѣнія графомъ Грабовскимъ, Яблочинскій монастырь сталъ приходиться въ оскудѣніе; деревянныя постройки его какъ церковь, такъ и братскія келліи съ другими хозяйственными заведеніями предъ учрежденіемъ въ Варшавѣ Архіерейской каѳедры пришли въ совершенную ветхость, и монастырь не имѣлъ собственныхъ средствъ не только для постройки новыхъ, но и для возобновленія старыхъ строеній.

Въ іерархическомъ отношеніи Яблочинскій монастырь первоначально зависѣлъ отъ Холмскихъ православныхъ епископовъ, изъ коихъ послѣдній Паисій Черковскій самъ съ 1620-го года управлялъ монастыремъ, не переставъ именоваться епископомъ Холмскимъ и Белзскимъ²⁾. Послѣ преосвященнаго Паисія владѣлецъ окрестнаго имѣнія Владиславъ Лещинскій подчинилъ свой монастырь настоятелю знаменитаго

1) Тамъ-же стр. 285.

2) Тамъ-же стр. 327.

3) Опис. Варш. еп. прот. Лот. стр. 366.

1) Тамъ-же стр. 227 и 228.

2) Какъ видно изъ записи на евангеліи.

въ то время Мѣлецкаго монастыря архимандриту Иосифу Чаплицу, а по переходѣ преемника его въ унию графъ Андрей Лещинскій въ 1670-мъ году поставилъ Яблочинскую обитель подъ власть православнаго епископа Луцкаго Гедеона Четвертинскаго. Когда же Луцкою кафедрою завладѣли униаты и послѣдній православный епископъ Луцкій Кирилль Шумлянскій изгнанъ былъ ими: тогда Яблочинскій монастырь съ 1712-го года поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе Кіевскихъ митрополитовъ. Зависимость его отъ Кіевской кафедры прекратилась послѣ третьяго раздѣла Польши, бывшаго въ 1794-мъ году. Находясь въ предѣлахъ Люблинскаго воеводства, съ того времени присоединеннаго къ австрійскимъ владѣніямъ, Яблочинскій монастырь, по распоряженію австрійскаго правительства, съ 1796-го года подчиненъ былъ буковинскому православному епископу съ тѣмъ условіемъ, чтобы святое миро получать отъ Минскаго архіепископа. По возстановленіи же императоромъ Александромъ I царства Польскаго съ возвращеніемъ въ составъ его Люблинскаго воеводства Яблочинскій монастырь находился въ вѣдѣніи преосвященнаго Минскаго ¹⁾.

Кромѣ Яблочинскаго монастыря въ началѣ текущаго столѣтія существовалъ въ здѣшнемъ краѣ другою православный монастырь—преображенскій въ г. Дрогичинѣ на лѣвомъ берегу р. Буга. Въ этомъ городѣ, при всѣхъ политическихъ переворотахъ, не смотря на тяжкія гоненія и притѣсненія со стороны латинянъ и униатовъ, уцѣлѣла горсть православныхъ жителей, для которыхъ монастырская церковь была приходскою. Въ историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ униі упоминается о тяжкихъ преслѣдованіяхъ и нападеніяхъ, которымъ подвергался Дрогичинскій преображенскій монастырь съ прихожанами за свою твердость и непреклонность къ униі, особенно съ того времени какъ іезуиты основали въ 1651-мъ году коллегію свою въ другомъ Дрогичинѣ на правомъ берегу р. Буга. Въ 1739-мъ году русскому резиденту въ Варшавѣ *Голембовскому* представлена была жалоба на безчисленныя угнетенія православныхъ со стороны униатовъ и латинянъ; въ этой жалобѣ между прочимъ находятся слѣдующія статьи относительно Дрогичинскаго преображенскаго монастыря и прихожанъ его: 1) іезуиты людямъ приходскимъ закона греко-русскаго въ церковь русскую ходить запретили, и въ годовые праздники всякую работу дѣлать приказывали, и постъ нарушать, и мясо въ постъ насильно ѣсть принуждали; 2) Студенты же тамошніе въ церкви окошки перебили, съ саблями нападали, шумъ чинили, монаховъ за волосы драли и

бороды вырывали; 3) Кучинскій, каштелянъ Подлянскій, подданнымъ своимъ прихожанамъ монастыря Снаскаго Дрогичнаго въ церковь ходить, дѣтей крестить, и исповѣдываться людямъ, и генерально Тайнамъ Божиимъ сообщаться, и всѣмъ церковнымъ обрядамъ повиноваться, запретилъ; 4) Студенты посланныхъ 1738 года на послушаніе монаховъ били, бороды вырывали, и ризы разодрали безъ всякой причины; 5) Въ томъ же году послѣ нѣсколькихъ недѣль, на старца діакона студенты съ канцеляристами въ монастырскомъ огородѣ нападеніе учиня и смертныя ему раны причиня, на начальника самого, сѣ чинить не допускающаго, изъ ружья стрѣлили, и едва до смерти не убили ¹⁾“. Не смотря на всѣ подобныя нападенія и пакости Дрогичинскій преображенскій монастырь устоялъ въ православіи до конца своего существованія, а равно и жители Дрогичина среди всеобщаго въ окрестныхъ мѣстахъ увлеченія въ унию остались вѣрными сынами православной церкви. Строенія бывшаго Дрогичинскаго монастыря были всѣ деревянныя. Въ 1813-мъ году монастырь потерпѣлъ наводненіе отъ разлива р. Буга; при чемъ вода унесла одну изъ келій. Тогда правительство австрійское, которому въ то время принадлежалъ Дрогичинъ, велѣло всѣ, уже очень ветхія монастырскія строенія разобрать съ намѣреніемъ построить вмѣсто упраздненнаго монастыря приходскую церковь. Это намѣреніе приведено въ исполненіе по возстановленіи царства польскаго, въ составъ котораго вошелъ и г. Дрогичинъ на лѣвомъ берегу р. Буга. Въ 1818-мъ году на отпущенную изъ казны сумму—1827 рублей построены въ Дрогичинѣ деревянная церковь во имя преображенія Господня безъ всякой ограды, церковный домъ и другія при немъ строенія; церковь безъ купола и даже безъ приличнаго креста по вишнему виду болѣе походила на бесѣдку, чѣмъ на храмъ Божій; всѣ же вообще строенія произведены были такъ небрежно и не прочно, что спустя десять лѣтъ—въ 1828-мъ году при общемъ обзорѣни православныхъ церквей въ ц. П. найдены въ состояніи жалкомъ и близкомъ къ разрушенію ²⁾.

Въ первой половинѣ 18-го столѣтія многіе изъ греческихъ купцовъ, избѣгая турецкаго тиранства, переселились изъ европейской Турціи въ Польшу для занятій торговлею, о которой поляки въ это время не заботились, считая для себя унизительнымъ купеческое званіе. Поселившись въ разныхъ городахъ—Варшавѣ, Люблинѣ, Опатовѣ, Радомѣ, Петроковѣ, Калишѣ и въ другихъ мѣстахъ, православные греки ходатайствовали у польскаго правительства о дозволеніи строить для себя церкви и содержать при нихъ свя-

¹⁾ Опис. Варш. епар. Пр. Лот. стр. 223 и 224.

¹⁾ Об. униі Б. Кам. Изд. 1866. стр. 239 и 240.

²⁾ Опис. Варш. еп. Пр. Лот. стр. 309.

щенниковъ, но при тогдашней латино-польской нетерпимости въ отношеніи къ диссидентамъ, означенное ходатайство сначала оставлено вовсе безъ удовлетворенія. Потомъ переселенцы опять обратились къ мѣстному правительству съ просьбою о дозволеніи содержать при себѣ хотя-бы только священно-служителей безъ церквей; просимое дозволеніе успѣли они получить, но только на такихъ условіяхъ, чтобы священнослужители у нихъ были непремѣнно изъ чорнаго, а не изъ бѣлаго духовенства, и что бы они по книгамъ народонаселенія считались купеческими прикащиками (subjekt przy handlu), а не пастырями. Какъ ни прискорбно было для просителей послѣднее условіе, но по необходимости принято ими, равно какъ и первое. Призванные вслѣдствіе того греческіе іеромонахи вынуждены были исполнять свое дѣло, какъ обыкновенно исполняется оно въ мѣстахъ преслѣдованія за исповѣданіе вѣры; они тайно посѣщали дома своихъ прихожанъ, исправляли для нихъ духовныя требы, наставляли семейства ихъ въ истинахъ православнаго ученія и совершали богослуженіе въ подвалахъ домовъ. Впрочемъ съ теченіемъ времени религіозная нетерпимость поляковъ должна была нѣсколько воздержаться. По настойчивому домогательству русскаго правительства и при содѣйствіи другихъ европейскихъ дворовъ—Прусскаго, Шведскаго, Англійскаго и Датскаго, трактатомъ вѣчной дружбы, заключеннымъ 13-го февраля 1768-го года между посполитой рѣчью польской и Всероссійскою Имперіею, правительство польское между прочимъ обязывалось предоставить православнымъ и вообще диссидентскимъ жителямъ рѣчи посполитой право свободнаго исповѣданія вѣры¹⁾. Хотя такое обязательство, данное на бумагѣ, никогда почти не исполнялось поляками на дѣлѣ: однакожь нельзя сказать, чтобы оно оставалось безъ всякаго практическаго приложенія; воспользовавшись этимъ греческіе выходцы успѣли наконецъ исходатайствовать для себя право устроить православныя церкви, только не отдѣльными зданіями, а въ жилыхъ домахъ. Съ того времени получили свое начало въ Польшѣ 5 греческихъ домовыхъ церквей: варшавская, люблинская, опатовская, петроковская и калишская. Онѣ снабжены были иконами, ризницею и утварью по образцамъ восточной православной церкви; богослужебныя книги на греческомъ языкѣ выписаны были для этихъ церквей изъ Венеціи, гдѣ онѣ печатались по благословленію іерусалимскихъ патріарховъ. Замѣчательно, что для варшавской греческой церкви богатые парчевыя облаченія и серебряная вызолоченная чаша куплены были у французовъ при бѣгствѣ ихъ изъ Москвы въ 1812-мъ году. Вѣднѣ

другихъ греческихъ церквей по состоянію прихожанъ была церковь Опатовская; она помѣщалась въ чуланѣ устроенномъ въ корридорѣ купленнаго для нея деревянаго заѣзднаго дома; къ приходу этой церкви принадлежали также греки, жившіе въ Радомѣ, Сандомирѣ и Краковѣ. Въ 1821-мъ году, по распоряженію минскаго архіепископа Анатолія, присланъ былъ на вакансію настоятеля опатовской церкви священникъ Іоакимъ Юхевичъ, первый изъ русскихъ въ Ц. П. епархіяльныхъ священниковъ; онъ былъ настоятелемъ этой церкви до 10-го марта 1837-го года, а затѣмъ переведенъ былъ въ яблочинскій монастырь на вакансію іеромонаха. Церковь петроковская помѣщалась на чердакѣ каменнаго дома; къ приходу ея относились также греки, жившіе въ Ловичѣ, Ленчицѣ, Ченстоховѣ и Опочнѣ. Въ 1812-мъ году и петроковскіе греки, подобно варшавскимъ, купили у бѣжавшихъ изъ Москвы французовъ плащаницу. Прихожанамъ калишской церкви, первоначально устроенной въ ветхомъ, близкомъ къ разрушенію каменномъ домѣ, правительство Ц. П. въ 1818-мъ году уступило малый латинскій костель, упраздненный послѣ монахинь францисканскаго ордена, съ небольшимъ домомъ; къ приходу этой церкви обращались греческія семейства, поселившіяся въ Пруссіи, а иногда ѣздили къ нимъ и самъ священникъ для богослуженія и требоисправленій.

Устроенныя въ Польшѣ греческія церкви до 1825-го года находились въ іерархической зависимости отъ Буковинскихъ, иногда венгерскихъ и греческихъ святителей; но зависимость эта состояла лишь въ томъ, что священно-служители, отправлявшіеся къ означеннымъ церквамъ, получали отъ названныхъ святителей рукоположеніе и благословеніе на предстоявшее имъ служеніе, а въ дѣлахъ своего служенія не давали имъ никакого отчета; вѣренныя же имъ церкви зависѣли отъ греческихъ обществъ, и управлялись такъ называвшимися кураторіями,—нѣсколькими изъ среды общества избранными лицами, отъ которыхъ и священно-служители получали свое содержаніе.

1825-го года 24-го февраля Высочайшимъ указомъ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія повелѣно: 1) чтобы православное духовенство въ царствѣ польскомъ зависѣло отъ святѣйшаго Всероссійскаго синода; 2) чтобы минскій епископъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ православныя церкви и монастыри въ царствѣ польскомъ; 3) чтобы правительственная комиссія съ уполномоченнымъ отъ святѣйшаго синода духовнымъ лицомъ вошла въ разсмотрѣніе,—какія дѣла должны относиться къ суду архіерейскому, и какія къ гражданскому по законамъ царства польскаго; и 4) чтобы на содержаніе православнаго духовенства въ царствѣ польскомъ ежегодно отпускалась изъ казны сумма въ

¹⁾ Объ униі Б. Кам. стр. 326.

3,600 рублей серебромъ, съ этого времени священнослужители шести православныхъ церквей въ ц. п. начали получать по 180 р. жалованья въ годъ. Принявъ означенныя церкви въ свое вѣдѣніе, мѣстныя архіерейскія Апатоліи въ томъ-же 1825-мъ году прислали въ варшавскую греческую церковь священника Михея Пигулевскаго, бывшаго настоятелемъ этой церкви до смерти своей, послѣдовавшей 25-го сентября 1827-го года. Тѣмъ и ограничилось отношеніе мѣстнаго епархіальнаго начальства къ православнымъ въ ц. п. церквамъ; къ управленію здѣшними церквами при отдаленности отъ нихъ встрѣтились для него важныя неудобства, побудившія правительство къ перечисленію тѣхъ церквей въ вѣдомство другой епархіи.

1827-го года 3-го ноября Высочайшимъ указомъ Святейшему правительствующему Синоду повѣлено: 1) всея церкви и монастыри православнаго исповѣданія въ царствѣ польскомъ поручить въ вѣдомство Волынскаго епархіальнаго архіерея, какъ ближайшаго къ царству польскому; 2) избрать и снабдить надлежащимъ наставленіемъ духовное лицо, которое, по прибытіи въ Варшаву, совокупило съ правительствомъ, при посредствѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, имѣло опредѣлить, какія дѣла должны подлежать епископскому суду, и какія, по законамъ царства польскаго, должны относиться къ министерству духовныхъ дѣлъ.

Для обозрѣнія православныхъ церквей и монастырей въ царствѣ польскомъ и вмѣстѣ для исполненія 2-го пункта изложеннаго Высочайшаго указа, по распоряженію Святейшаго Синода, командированъ былъ московскаго успенскаго собора протопресвитеръ Іаковъ *Дмитріевъ*, который прибылъ въ Варшаву въ концѣ 1827-го года и для исполненія возложеннаго на него порученія посетивъ шесть приходскихъ церквей и Яблочинскій монастырь, 23-го марта 1828-го года представилъ Святейшему Синоду собранія о нихъ свѣдѣнія. Во исполненіе другаго порученія протопресвитеръ, по соглашенію съ мѣстнымъ правительствомъ, при посредствѣ д. т. с. Новосильцова, составилъ проектъ положенія о дѣлахъ грекороссійской церкви въ царствѣ польскомъ съ опредѣленіемъ, какія изъ нихъ подлежатъ архіерейскому рѣшенію, и какія относятся къ министерству духовныхъ дѣлъ, представилъ такой проектъ Святейшему Синоду 31-го декабря того-же 1828-го года. Означенное положеніе, представленное Государю Императору при синодальномъ докладѣ, Высочайше утверждено 25-го января 1829-го года.

8-мъ пунктомъ Высочайше утвержденаго положенія постановлено: „для ближайшаго надзора за надлежащимъ порядкомъ въ церквахъ и духовенствѣ быть *благочинному*, который имѣетъ пребывать въ Варшавѣ при подвальной Святотроицкой церкви“.

По этому пункту положенія еще прежде Высочайшаго утвержденія его послѣдовало распоряженіе мѣстнаго правительства. По прошенію приходскихъ попечителей варшавской греческой церкви министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ ц. п. графъ Грабовскій въ сентябрѣ 1828-го года просилъ д. т. с. Новосильцова войти въ сношеніе съ преосвященнымъ волынскимъ о назначеніи къ Варшавской подвальной церкви священника, который былъ бы вмѣстѣ и благочиннымъ православныхъ церквей въ здѣшнемъ краѣ и, находясь въ подчиненности Волынскому епархіальному начальству, входилъ бы въ сношенія по дѣламъ церквей и духовенства съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ ц. п. Къ сему графъ Грабовскій присовокупилъ, что для требуемаго священника, кромѣ квартиры, отопленія, освѣщенія и доходовъ отъ прихожанъ, назначено жалованья по 600 рублей въ годъ. Вслѣдствіе отношенія д. т. с. Новосильцова къ преосвященному Стефану епископу волынскому, 4-го октября 1828-го года его преосвященствомъ опредѣлено на должность настоятеля варшавской подвальной церкви и благочиннаго православныхъ церквей и монастырей въ Царствѣ Польскомъ воспитанникъ 1-го курса Кіевской Духовной академіи, кандидатъ богословія, бердичевской успенской церкви протоіерей Ѳеодилъ Новицкій, бывший и на Волыни благочиннымъ и смотрителемъ бердичевского духовнаго училища.

Дѣятельность протоіерея Новицкаго по должности благочиннаго въ Варшавѣ могла открыться не прежде какъ по формальному объявленіи старшинамъ греческихъ общинъ Высочайшаго повелѣнія о подчиненіи православныхъ въ ц. п. церквей Святейшему Синоду подъ ближайшимъ надзоромъ благочиннаго. Протоіерей Новицкій въ 1829-мъ году представлялъ о томъ Новосильцову; но тогда не послѣдовало по этому представленію надлежащаго распоряженія. Уже по усмиреніи польскаго мятежа въ 1831-мъ году, вслѣдствіе представленія благочиннаго предсѣдателю временнаго правленія Энгелю, правительственная коммисія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, чрезъ подлежація воеводскія коммисіи (нынѣ губернскія правленія) объявивъ православному духовенству и прихожанамъ о подчиненіи мѣстныхъ церквей Святейшему Синоду подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ благочиннаго, предписала имъ во всехъ церковныхъ дѣлахъ обращаться къ правительству не иначе какъ чрезъ посредство благочиннаго.

Озабоченный выдающимся недостаткомъ наружнаго приличія и особенно внутренняго украшенія въ Варшавской Святотроицкой церкви, протоіерей Новицкій въ началѣ 1832-го года представилъ о томъ докладною запискою предсѣдателю временнаго правленія Энгелю и по его ходатайству Государь Импе-

раторъ изволилъ назначить на обновленіе и украшеніе поименованной церкви 6000 рублей. На эту сумму церковь со всеѣмъ домомъ покрыта желѣзомъ и по внутреннему обновленію приведена въ подобающее храму Божию благолѣпіе.

Принявъ во вниманіе, что положенное съ 1825-го года для подвѣдомыхъ священнослужителей жалованье по 180 руб. въ годъ не достаточно для ихъ содержанія, протоіерей Новицкій въ 1832-мъ году вошелъ о томъ съ представленіемъ въ правительственную комиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и по его ходатайству для подвѣдомаго ему духовенства назначено то самое жалованье, которымъ оно за исключеніемъ причта подвальной церкви пользовалось до 1867-го года, а именно: настоятелю варшавской подвальной церкви и благочинному 1920 руб. серебр., діакону тойже церкви 450 руб., двумъ псаломщикамъ по 150 руб. и пономарю 120 руб. серебр. священникамъ церквей Люблинской, Опатовской, Петроковской и Калишской по 600 р., Дрогичинскому священнику при земляхъ и угодіяхъ 450 руб. дьякамъ пяти церквей по 120 руб. и пономарямъ по 90 руб. серебромъ. По его же ходатайству, на содержаніе Яблочинскаго монастыря съ 1833-го года положено по 300 руб. изъ суммы, отпущенной въ 1825-мъ году на содержаніе православнаго духовенства.

Опредѣленный по Высочайшему повѣленію въ 1833-мъ году членомъ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, занимая столь видное церковно-общественное положеніе въ Варшавѣ и входя въ частыя сношенія съ высокопоставленными лицами, въ томъ числѣ и съ намѣстникомъ царства польскаго княземъ Варшавскимъ графомъ Паскевичемъ—Эриванскимъ, протоіерей Новицкій, въ виду закрытаго невыгоднаго положенія подвальной церкви, при всякомъ удобномъ случаѣ ходатайствовалъ о построеніи въ Варшавѣ соборнаго храма на видномъ мѣстѣ и всегда получалъ обѣщаніе содѣйствовать исполненію такихъ его желаній. Въ тоже время заботился протоіерей Новицкій и о другихъ подвѣдомыхъ ему церквахъ; такъ онъ ходатайствовалъ предъ мѣстнымъ правительствомъ о постройкѣ новаго приличнаго храма въ Петроковѣ, о переводѣ Опатовской церкви въ г. Радомъ съ устройствомъ здѣсь церкви въ упраздненномъ бенедиктинскомъ монастырѣ, о возобновленіи обветшалыхъ зданій Яблочинскаго монастыря и о постройкѣ новой каменной церкви въ г. Дрогичинѣ; на первые три предмета даже ассигнованы были суммы, но въ такихъ недостаточныхъ количествахъ, что не могли быть употреблены по назначенію; а потому и предполагавшіяся церковно-строительныя работы отложены были на дальнѣйшее время.

Въ такомъ состояніи находились въ царствѣ поль-

скомъ шесть православныхъ церквей и Яблочинскій монастырь предъ учрежденіемъ архіерейской каѳедры въ Варшавѣ. Всеѣхъ прихожанъ, принадлежавшихъ къ означеннымъ церквамъ, считалось тогда 1170 душъ, ¹⁾. Настоятелями этихъ церквей въ то время—въ 1834 году—были: въ Варшавской—протоіерей *Новицкій*, въ Люблинской—священникъ *Іоаннъ Кондратовичъ*, въ Опатовской—священникъ *Іоакимъ Юглевичъ*, въ Дрогичинской—священникъ *Іоаннъ Гамалья*, въ Петроковской священникъ *Михаилъ Ладзіевскій* и въ Калишской—священникъ *Василій Борисовичъ*, кандидатъ кіевской духовной академіи; настоятелемъ яблочинскаго монастыря былъ игуменъ (впослѣдствіи архимандритъ) *Іоанникій*.

(Продолженіе будетъ).

О недвижимыхъ имуществахъ западно-русской Церкви.

(Продолженіе *).

Вслѣдствіе въ значительной степени религіознаго характера тѣхъ войнъ, которыя велись съ Польшею въ царствованіе „regis orthodoxi“ ¹⁾ Яна-Казимира съ Малороссіею и потомъ Москвою, совершенно естественно со стороны вождей малороссійскихъ и московскихъ войскъ, гетмана Богдана Хмѣльницкаго и царя Алексѣя Михайловича, посыпались щедрыя пожалованія имуществомъ, между прочимъ населенными имѣніями, на нѣкоторыя, а можетъ быть и многія, православныя духовныя учрежденія, занятыхъ русскими войсками и казаками и въ силу этого фактически отторгнутыхъ изъ подъ польскаго управленія, мѣстностей западной Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ одному полоцкому Богоявленскому монастырю пожаловалъ двѣнадцать обширныхъ населенныхъ имѣній, именно въ 1655 году—деревни: Крешоты, Тройдѣвичи, Нещедро, Ливо, Нападовичи, Дѣвицу и Залешино ²⁾, а 1656 г. къ нимъ прибавилъ села — Иванское и Коптевичи, и деревни — Демидовичи, Красницу и Медвѣдки „со крестьяны и съ землею“ ³⁾. Гетманъ же Богданъ Хмѣльницкій, во все время до присоединенія Малороссіи къ Россіи державшійся совершенно про-

¹⁾ Отношеніе преосв. Антонія къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 22-го декабря 1837-го г. за № 701.

* См. №№ 3, 4, 7 и 12 Вѣстника.

²⁾ Т. е. „правовѣрнаго“ въ папскомъ духѣ, такъ какъ отъ папы Александра VII Янъ-Казимиръ и получилъ этотъ почетный титулъ.

³⁾ Истор. Росс. Іерарх. ч. III, стр. 444.

³⁾ Ibid. стр. 446—448.

тивоположнаго конституціи 1635 года взгляда, именно что „вольнo каждому свое добро яко властное дать, даровать и лекговать кому хотѣчи“⁴⁾, когда очистилъ Малороссію отъ латинскихъ миссіонеровъ (іезуитовъ, доминиканъ и др.) и поуничтожалъ ихъ учрежденія съ секуляризациею принадлежавшихъ имъ имѣній, — „многимъ церквамъ и монастыремъ“ православнымъ, — выражаясь его словами, — „для поправы и выживенья (т. е. служащаго при нихъ бѣлаго и монашествующаго духовенства) попридавалъ маестности лядцкіе⁵⁾ и млыны“⁶⁾. Для примѣра такихъ пожалованій Хмѣльницкаго, раньше чѣмъ состоялось юридическое отторженіе Малороссіи отъ Польши къ Россіи (8 января 1654 г.), можно указать на монастыри кievскій Златоверхій⁷⁾, кievскій Богоявленскій⁸⁾, межигорскій⁹⁾, мгарскій¹⁰⁾, кореунскій — гуляницкій¹¹⁾, изъ которыхъ первые три получили населенныя имѣнія, а послѣдніе два обширныя ненаселенныя земельныя и другія угодія¹²⁾. Надѣляя имѣніями духовныя учрежденія православной Церкви, Хмѣльницкій на правахъ лица, на время вооруженнаго своего протеста противъ злоупотребленій Польши, ставшаго во главѣ управленія всей Малороссіи, покровительствовалъ всякимъ имущественнымъ пожертвованіямъ на тѣже учрежденія со стороны частныхъ лицъ всякаго чина и состоянія. Сохранились универсалы Хмѣльницкаго съ наказами войсковымъ старшинамъ, чтобы всякій подобный вкладъ „при отцахъ (т. е. духовныхъ) zostавалъ, яко имъ наданный“, что „прешкожати имъ нѣхто не маеть къ уживанью его“ и что всякій, дерзнувшій „наименьшую отцомъ.... кривду и шкоду, або перешкоду въ томъ чинити...., каранъ будетъ сурово и приплатитъ того самъ“¹³⁾. Особенно много дошло подобныхъ универсаловъ со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи¹⁴⁾. Много ли имѣній пожертвовано малороссійскому православному духовенству на Церковь отъ частныхъ владѣльцевъ подъ протекторатомъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго до принятія имъ подданства Россіи, пока т. е. польское правительство и польскія законоположенія de ju-

4) Ак. зап. Рос. V. № 27.

5) Это слово образовалось изъ слова — „ляхъ“.

6) Ак. зап. Росс. V. № 28.

7) Сказан. о кiev. губ., Похилевича, стр. 28; см. Ак. зап. Росс. № 275.

8) Ак. зап. Росс. V. № 28. — Сказ. о кiev. губ., Похилевича, стр. 474.

9) Ак. зап. Росс. V. № 35.

10) Ibid. №№ 32 и 53.

11) Сказан. о кievск. губ. стр. 577—578.

12) Все эти пожалованія Б. Хмѣльницкаго см. въ нашей описи недв. им. зап. рус. Церкви.

13) Ак. зап. Рос. V. № 27 см. съ №№ 31 и 141.

14) О нихъ будетъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

ге тяготѣли надъ малороссійскимъ de facto вольнымъ казачествомъ, — намъ не извѣстно. Мы можемъ указать только на два такихъ пожертвованія: одно отъ 1651 года нѣкоего Михайла Ивановича на Межигорскій монастырь состояло въ „ставкѣ“ (прудѣ) съ правомъ построить на немъ мельницу¹⁵⁾, а другое неизвѣстнаго по имени „пана Креницкаго“, поступившее въ 1652 г. на кievскій Златоверхій монастырь и состоявшее изъ мѣстечка Ходосовки и „селца“ Креничъ¹⁶⁾. Весьма вѣроятно, что были и другіе, подобные этимъ, — и большіе и меньшіе, — вклады. Такимъ образомъ мы пришли къ вопросу о нарушеніяхъ конституціи 1635 года въ теченіе разсматриваемаго нами времени. Изъ сказаннаго доселѣ видно, что узаконенія ея не выполнялись, оставались не дѣйствительными въ тѣхъ областяхъ польскаго королевства, которыя, вѣлѣдствіе особыхъ политическихъ обстоятельствъ Польши, временно отторгались отъ нея и жили внѣ вѣдѣнія и признанія надъ собою государственныхъ ея законовъ. Нарушеніе ихъ при такихъ условіяхъ составляетъ явленіе обыкновенное и нормальное. Но не было ли въ исторіи приложенія этой конституціи къ церковно-общественной жизни явленій ненормальныхъ, противозаконныхъ? Нѣтъ ли историческихъ указаній за время до 1677 года, запрещенныхъ конституціею 1635 года, имущественныхъ пожертвованій на православную Церковь и униатскія духовныя учрежденія тѣхъ мѣстностей западной Россіи, которыя обязаны были управляться и управлялись кодексомъ дѣйствовавшихъ въ то время государственныхъ законовъ польскаго королевства?

Тотъ самый варшавскій сеймъ, который въ 1635 году ограничилъ права духовенства всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ на пріобрѣтеніе имъ новыхъ церковныхъ имѣній, предусматривалъ въ будущемъ возможность и вѣроятность нарушеній своего сеймоваго амортизаціоннаго узаконенія, и именно въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго. Такими, намъ кажется, соображеніями и руководствовался сеймъ при состоявшемся тогда же опредѣленіи о распространеніи съ 1635 года на великое княжество Литовское изданной въ 1633 году для собственной Польши, конституціи: „о присвоеніи шляхетскихъ имѣній по праву давности — противъ духовныхъ“. Конституціею этою узаконено было, чтобы „законъ давности относительно недвижимыхъ имѣній служилъ дворянству противъ Церкви разширеннымъ до 60 лѣтъ, считая по сроку вчиненія иска“¹⁷⁾. И по-

15) Ак. зап. Рос. V. № 27.

16) Въ 1862 г. оба назывались „селами“. Ibid. № 31 см. съ № 141.

17) Вотъ текстъ указанной конституціи 1633 года: „O preskrypcyi dobr szlacheckich przeciw duchownym.... autoritate

добная предусмотрительность сейма была не напрасна; она скоро нашла себѣ полное оправданіе. Въ первые годы послѣ изданія конституціи 1635 года, содержащійся въ ней законъ какъ будто игнорируется. Извѣстнѣйшіе благотворители 30-хъ годовъ XVI столѣтія православныхъ западно-русскихъ духовныхъ учреждений Богданъ Стеткевичъ Заверскій, подкоморій мстиславскій, съ супругою своею Еленою Богдановною, урожденною княжною Соломпрецкою (т. е. изъ фамиліи тоже очень извѣстной въ исторіи имущественныхъ пожертвованій въ сѣверо-западной Руси того времени) въ своей фундаментальной записи на могиловскій братскій монастырь, воздвигаемый „зъ нового кореня“, скрѣпляя фундацію своею *de nova radice*, т. е. законную, пишутъ, что они дѣлаютъ ее, „зажываючи вольности своее шляхецкое, ижъ *кождому вольно маетиостью* (имѣніемъ) *своею отличною, дължною, выслужоною, купною, лежачою* (недвижимымъ) и *рухомою, (и движимымъ) якимъ кольвекъ способомъ шафова ти* (распоряжаться), кому хотечи отдати, продати, даровати и *на церковь записати*“....¹⁸⁾ Трудно предполагать, что этимъ образованнымъ людямъ не извѣстно было существованіе узаконенія, изданнаго два года предъ тѣмъ и такъ близко ихъ касающагося. Это просто хотя косвенный, но документальный протестъ противъ непріятнаго протестующимъ, вновь изданнаго закона. Такое нежеланіе знать про конституцію 1635 г., вскорѣ послѣ обнародованія ея, еще въ царствованіе санкціонировавшаго ее короля Владислава IV, особенно радикально заявило о себѣ въ зѣмлѣ волынской. Къ 1645 году тамъ весьма „намножились“, составляющія прямое нарушеніе ея, новыя фундаціи и новыя отчужденія имѣній“ (*novae fundationes, novae u alienationes namnożyli się*), явились на нихъ „разнаго рода записи“ (*zapisy qualicunq;ue color e*), а другія имѣнія обременены сдѣлались обезпеченными на нихъ „денежными суммами“ (*summa opiewane dobra*), какъ будто взятыми въ долгъ у духовенства, или прямо „пожертвованіями движимостію съ благочестивыми цѣлями (*piis legatis*)“ со стороны самихъ собственниковъ. Указывая на эти факты, волынскіе дворяне въ инструкціи своимъ депутатамъ, отправляемымъ на варшавскій

сеймъ 1645 г. поручили домогаться, чтобы „всѣ такыя записи, которыя только имѣютъ видъ отчужденія (*ktore iedno speciem praeferunt alienationis*) дворянскихъ имѣній духовенству никакой силы не имѣли“ и и еслибы кто нибудь, основываясь на подобныхъ документахъ, затѣялъ тяжбу противъ такихъ справедливыхъ притязаній, чтобы таковой искъ, въ какомъ бы судебномъ учрежденіи (*quocunq;ue foro et subselio*) онъ ни былъ вчиненъ, былъ уничтоженъ (*cassowano było u wniwecz obrócono*) и путь для подобныхъ поспикваній на вѣчныя времена былъ прегражденъ (*u do dochodzenia droga wiecznemi czasy była praeclusa*)¹⁹⁾. Никакого рѣшенія сейма по этому дѣлу мы не нашли.

Въ послѣдующее время конституція 1635 года довольно долгое время вовсе не примѣнялась въ оставшейся за Польшею Малороссіи. Измѣнившій Россіи гетманъ Иванъ Выговскій въ статьяхъ Гадячскаго договора потребовалъ отъ польскаго правительства между прочимъ, чтобы „всѣ церкви и имѣнія были отняты у униатовъ и отданы неуніатамъ (такъ назывались православные) съ правомъ новыхъ вкладовъ (*fundowania nowych*) для сихъ (послѣднихъ) и запрещеніемъ ихъ для тѣхъ“. Договоръ этотъ въ 1659 году былъ принятъ сеймомъ, подписанъ королемъ, при масомъ, министрами и маршалками со стороны Польши, а со стороны казаковъ скрѣпленъ присягою ихъ „делегованными“²⁰⁾. Лично самъ Выговскій и до утвержденія этого договора, уже послѣ измѣны Россійскому Правительству, и слѣдовательно состоявши подданнымъ польскаго короля Яна-Казимира, не стѣснялся конституціею 1635 г. жертвовать недвижимыя имѣнія православнымъ духовнымъ учрежденіямъ. Такимъ, напр., пожертвованіемъ его было въ сентябрѣ 1658 года — село Вязовокъ, „со всѣми принадлежностями“ отданное „для поратунку“ Лубенскаго Мгарскаго монастыря²¹⁾. Подобными несогласными съ конституціею 1635 г. и не оправдываемыми вышеприведенною статьею Гадячскаго договора, къ 1669 — 1670 годамъ, потерявшаго всякое фактическое значеніе, были пожалованія гетмана части Малороссіи не принадлежавшей Россіи, Петра Дорошенки, въ эти, напр., годы „пустившаго“ митрополиту Іосифу Нелюбовичу-Тукальскому „на кухенное выстатченье“ (т. е. на столъ) мѣстечко Стайки²²⁾, или своею „повагою гетманскою“ „конферовавшаго“ кіево-выдубицкому монастырю село Лѣсники²³⁾. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ шести-

conventus praesentis postanowiamy, aby ante inchoatam litem vigore constitutionis praesentis, bonorum immobilium praescriptio stanowi szlacheckiemu contra ecclesiam annorum 60 służyla“. Распространеніе ея на вел. княжество Литовское учинено слѣдующимъ постановленіемъ сейма 1635 года; *konstytucya seymu coronationis, de praescriptionibus dobr szlacheckich, przeciwko duchownym W. X. Lit. ma bydz za spolną z korona, poniewaz za zgodą Deputatow obojga narodow, ad compositionem inter status naznaczonych, stanęła*“. Vol. Leg. v. III, ff. 797, 798, 859; см. f. 856.—Арх. юго-зап. Рос. ч. II. т. I, № 25, стр. 305.

¹⁸⁾ Арх. Сборн. Вилен. II. № 45.

¹⁹⁾ Арх. юго-зап. Рос. ч. II, т. I, № 25, стр. 299.

²⁰⁾ Dzieje kośc. Pol., Ostrowski. III, p. 254.

²¹⁾ Ак. зап. Рос. V. № 57.

²²⁾ Ibid. № 74.

²³⁾ Ibid. № 82.

десятихъ годахъ XVII в. распространился было еще одинъ способъ нарушенія конституціи 1635 года.

Въ силу ея вотчинныя дворянскія имѣнія могли быть отчуждаемы на Церковь только по разрѣшенію сейма, съ выдачею на право каждаго такого отчужденія особой сеймовою конституціею. По такимъ конституціямъ за разсматриваемое время получили жировицкій монастырь (1667 г.) деревню Булу „*cum attinentiis*“ (принадлежностями) ея, въ слонимскомъ „повѣтѣ“²⁴⁾, и полоцкій замковый монастырь (1673 г.) имѣнія—Судзиловичи и Черствяны, въ полоцкомъ воеводствѣ²⁵⁾. Между тѣмъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ стало практиковаться, и какъ видно довольно часто, отчужденіе этого рода имѣній на духовныя учрежденія, по всей вѣроятности больше всего римско-католическія, но быть можетъ отчасти на уніатскія и кое—гдѣ на православныя, подъ юридическою формою фундаціи *de nova radice*. По поводу и для прекращенія такихъ правонарушеній, въ 1669 г. на вальномъ варшавскомъ сеймѣ состоялось опредѣленіе: „чтобы вотчинныя имѣнія на новую фундацію (т. е. вновь основанныя монастыри или церкви, костелы) безъ соизволенія Рѣчипосполитой, въ разрѣзъ съ конституціями, отданныя, отобранны были, какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, какъ не сообразныя съ закономъ и заключающіе въ себѣ самоуправное насиліе“²⁶⁾. Но между тѣмъ какъ конституція 1635 года въ разныхъ мѣстностяхъ Литовско-Польскаго государства, разными способами и въ различной степени нарушалась и принимались мѣры противъ такихъ нарушеній: въ 1666 г. для собственной Польши и въ 1667 г. для великаго княжества Литовскаго и слѣдовательно входящихъ въ составъ его западно-русскихъ областей, послѣдовало новое законодательное ограниченіе правоспособности духовныхъ учреждений всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій къ приобрѣтенію себѣ въ собственность недвижимыхъ имуществъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Употребленіе при церквахъ колоколовъ и ихъ происхожденіе¹⁾.

Колоколь, искаженное латинское слово — *clocca*, собственно значить звонъ. Время происхожденія колоколовъ съ достовѣрностію неизвѣстно, но оно восходитъ ко временамъ язычества. Нѣкоторые археологи²⁾, утверждаютъ, что колокола впервые явились у китайцевъ задолго до Рождества Христова. Малые звонки были извѣстны и евреямъ: Моисей упоминаетъ о колокольчикахъ, которые привязывались къ краямъ одежды первосвященника. Но въ такомъ видѣ, въ какомъ теперь колокола употребляются въ христіанскихъ церквахъ, они пошли въ употребленіе не раньше VII-го вѣка. Первенствующіе христіане, по причинѣ гоненій, не могли употреблять колоколовъ для призыва къ богослуженію. Звонъ колоколовъ могъ бы привлекать къ нимъ вниманіе язычниковъ, отъ которыхъ они всегда старались удаляться. Въ первый періодъ христіанской церкви, христіане призывались къ богослуженію самими епископами и священниками, совершавшими богослуженіе. Послѣ каждаго богослуженія христіане совѣщались о мѣстѣ и времени собранія. Рѣшающій голосъ въ этихъ совѣщаніяхъ принадлежалъ епископамъ, или пресвитерамъ³⁾. За отсутствіемъ ихъ, или въ томъ случаѣ, когда въ условленное мѣсто собраться было нельзя, христіане призывались къ богослуженію чрезъ діаконовъ и діакоиссъ, которые ходили по домамъ и извѣщали о времени и мѣстѣ собранія⁴⁾. Съ прекращеніемъ гоненій, для призыва къ богослуженію стали употреблять различные знаки. Однообразный призывъ къ богослуженію прежде всего установленъ въ восточныхъ иноческихъ обителяхъ, въ киновіяхъ. Но и въ нихъ существовали различные знаки. Въ египетскихъ монастыряхъ и въ обителяхъ Синайской горы монахи созывались къ богослуженію звукомъ трубы, подобно евреямъ (Числ. гл. 10); въ другихъ монастыряхъ въ палестинѣ монахи будили стукомъ молотка въ двери келій, а въ женскихъ монастыряхъ избирались для призыва къ богослуженію особыя монахини, которыя подходили къ каждой кельи и громкимъ голосомъ пѣли—*алилуя*⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно въ Греціи и Палестинѣ, употреблялись еще для призыва къ богослуженію токи, била, клепала и олени или бычачьи рога. Токомъ называлась длинная, узкая доска изъ сухаго дерева, съ круглымъ перехватомъ по срединѣ⁶⁾. Биломъ называлась короткая доска, висящая на веревкѣ. Изъ тока и била звуки извлекались деревяннымъ молоткомъ. Клепало выдѣлывалось изъ желѣза, въ видѣ тонкой полудуги. Звуки клепала были тонки и нѣжны, тогда какъ изъ тока и била получались звуки сильныя, похожіе на трель барабана. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ на Афонѣ, Синаѣ, въ Болгаріи и Сербіи и до сихъ поръ употребляются би-

1) Изъ лекцій по литургикѣ, читанныхъ ученикамъ V-го класса Курской духовной семинаріи.

2) Krull. Christ. Alterth, c. 13. Luft liturg. 2, 517. Denkwürdigkeit aus der christlichen Archeol. Augusti, band 3, 213.

3) Archeol. Augusti, band. 3, 219.

4) Ibid.

5) Dictionnaire des antiquités chrétiennes par Martigny, p. 161.

6) Путеш. въ Мет. мон. архим. П. Успенскаго, стр. 4-я.

24) Vol. Leg. v. IV, f. 1007.

25) Ibid. v. V, ff. 153 и 538.

26) „*Dobra dziedziczne, na nową fundacyą sine consensu Reipublicae, contra constitutiones oddane, iako prawu przeciwnie et vim ordinationis w sobie mające, aby nullitatis były tak w Koronie iako w W. X. Lit.*“—Vol. Leg. v. V, f. 116.

ла и клепала ⁷⁾. На востокъ колокола введены въ употребленіе не раньше 2-й половины IX-го столѣтія. Гораздо раньше стали извѣстны колокола въ Церкви западной. Нѣкоторые изъ археологовъ ⁸⁾, основываясь на латинскомъ названіи колоколовъ *campana* и *cola*, приписывали введеніе ихъ въ церковное употребленіе епископу Паплину, жившему въ V-мъ вѣкѣ въ римской провинціи Кампаніи, въ г. Нолѣ. Но это мнѣніе отвергается извѣстнымъ греческимъ правовѣдомъ Вальсамономъ, который слово *campana* производитъ отъ *campana*—поле и объясняетъ названіе колокола такъ: „какъ поле для желающаго путешествовать не представляетъ препятствій, такъ и высокій звукъ мѣдноустаго колокола разносится всюду.“ Большинство археологовъ сходятся на той мысли, что *campana* получилъ свое названіе отъ мѣди добываемой въ римской провинціи Кампаніи, такъ какъ эта мѣдь считалась лучшею и изъ нея преимущественно отливались большіе колокола ⁹⁾. Сначала колокола употреблялись малаго объема, такъ что для нихъ не нужно было строить отдѣльныхъ колоколенъ. У дверей церкви, обыкновенно, устраивали два столба съ поперечной переключиной, къ которой привѣшивали деревянный кругъ и на немъ нѣсколько колоколовъ. Когда нужно было звонить, кругъ приводился въ сильное движеніе и колокола издавали сильные и разнообразныя звуки. Съ VII вѣка стали строить отдѣльныя колокольни; къ этому же времени нужно отнести и введеніе колоколовъ во всеобщее употребленіе. Въ средніе вѣка, въ нѣкоторыхъ странахъ напр. въ Италіи, устраивались подвижныя колокольни для войска. Съ этой колокольни подавались войскамъ различныя сигналы—къ битвѣ, походу, или молитвѣ. На большихъ колоколахъ дѣлались своеобразныя надписи, выражающія назначеніе колоколовъ; напр. *Funera plango, fulmina frango, sabata pango*,

Excito lentos, dissipato ventos, paco cunctos, въ переводѣ на русскій языкъ,—

Я оплакиваю мертвыхъ, отвращаю громъ, прославляю праздники,

Возбуждаю равнодушныхъ, разсѣваю вѣтры, успокаиваю раздраженныхъ.

У насъ въ Россіи колокола появились ¹⁰⁾ вмѣстѣ съ христіанствомъ; привозили ихъ изъ Византіи и Корсуни. Но такъ какъ сначала ихъ было мало, а лигейное искусство еще не было извѣстно въ Россіи, то во многихъ церквахъ употреблялись для призыва въ богослуженію била и клепала. Клепала, обыкновенно, вѣшались у входныхъ дверей церковныхъ. Въ эти клепала ударяли или каменемъ, или привѣшивали къ нимъ языки. Въ первый разъ, по сказанію лѣтописей, былъ отлитъ въ Россіи колоколъ въ 1558 году, для новгородской церкви св. Филиппа. Но можно думать, что колокола стали лить въ Россіи гораздо раньше. О вѣчевомъ новгородскомъ колоколѣ упоминается еще въ XII столѣтіи; точно также о Даніилѣ Галицкомъ и Владимірѣ Васильковичѣ, жившихъ въ XIII в., извѣстно, что они заботились объ украшеніи церквей колоколами. Сначала въ Россіи употреблялись небольшіе колокола и вѣшались тамъ же, гдѣ и кле-

пала, т. е. подъ кровлю входа въ храмъ. Но съ XIV столѣтія появились большіе колокола и для нихъ стали строить отдѣльныя колокольни. По формѣ колокольни въ древней Руси были узкія и длинныя, а иногда строились круглыя, на подобіе невысокихъ башенъ съ острокопченнымъ верхомъ. Отдѣльныхъ колоколенъ было очень мало, а большею частію онѣ пристраивались къ церквамъ ¹¹⁾. Замѣчательно, что на литье большихъ колоколовъ повліяла мысль о скоромъ представленіи свѣта, овладѣвшая умами русскихъ людей въ концѣ XV столѣтія. Съ этого времени умножились на Руси церкви и стали появляться большіе колокола. Въ XVI столѣтіи встрѣчаются колокола вѣсомъ болѣе 3000 пудовъ. Самый огромный колоколъ не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ, былъ отлитъ въ Москвѣ въ XVIII столѣтіи. Это—извѣстный „царь колоколъ“, вѣсомъ въ 10000 пудовъ, лежащій на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ Ивановской колокольни, въ Москвѣ. Въ древней Россіи любили украшать колокола различныя орнаментами, въ числѣ которыхъ встрѣчаются рельефныя изображенія святыхъ и государей, гербы и другія символическія фигуры, арабески или травы ¹²⁾. Москвичи нѣкоторымъ древнимъ колоколамъ дали особыя прозванія, выражающія или происхожденіе ихъ, или качества звуковъ, напр. реутъ, медвѣдь, нѣмчинъ, глухой, широкій, годуновъ, переспоръ, корноухій и проч. Въ восточныхъ церквахъ, если и встрѣчаются колокола, то большею частію по одному или по два, тогда какъ у насъ въ Россіи самая бѣдная церковь имѣетъ не менѣе 3-хъ колоколовъ, а на колокольняхъ богатыхъ церквей бываетъ до 10 и болѣе. Собраніе всѣхъ колоколовъ на языкѣ церковнаго устава называется звономъ. Этотъ звонъ замѣняетъ, такъ сказать, уста церкви, которыми она возвѣщаетъ и возбуждаетъ въ христіанахъ чувства, соотвѣтствующія различнымъ дѣйствіямъ церковнымъ, или событіямъ въ обществѣ гражданскомъ. Посредствомъ колокола церковь созываетъ христіанъ къ богослуженію; чрезъ него же выражаетъ свое торжество въ случаяхъ радостныхъ для церкви или общества, или печаль по случаю смерти, погребенія и поминающія усопшихъ; чрезъ колоколъ возвѣщаетъ не присутствующимъ въ храмѣ христіанамъ о важнѣйшихъ моментахъ богослуженія. Сообразно съ такимъ назначеніемъ колоколовъ и звонъ въ нихъ бываетъ не одинаковъ. Въ церковномъ уставѣ главнымъ образомъ различаются два рода звона: благовѣстъ, т. е. звонъ въ одинъ колоколъ предъ началомъ службы, переходящій въ перезвонъ, когда ударяютъ въ нѣсколько колоколовъ, но не разомъ, а по очередно, и собственно звонъ когда ударяютъ сразу въ нѣсколько колоколовъ. Иногда звонъ въ нѣсколько колоколовъ бываетъ въ три пріема и тогда онъ называется трезвонъ ¹³⁾. Время звона въ различныя колокола установлено на Руси постепенно. Такъ до 17-го вѣка не было звона на *достойно*. Звонъ этотъ установленъ около 1689 года, при патріархѣ Іоакимѣ, по случаю бывшихъ въ то время споровъ о времени преемственія Св. Даровъ ¹⁴⁾.

Такъ какъ колокола имѣли важное религіозное значеніе, то Церковь, при вѣшаніи на колокольню, всегда освещала ихъ по особому чиноположенію. Въ молитвѣ, читаемой при

7) Труды 1-го археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869 г., т. 1, стр. 303.

8) Binham, Antiqu., Eccles., p. 74. Archeol. Augusti, 6, 3, 543.

9) Труды 1-го археологич. съѣзда, т. I, стр. 316.

10) Путеш. въ Мет. мон. архим. П. Успенскаго, стр. 17.

11) Древн. худож. въ Россіи, стр. 38.

12) Памятн. древн. худож. въ Россіи, стр. 38.

13) Никольскій. Посobie къ изученію устава богослуженія, стр. 22 и 23.

14) Скриж. ч. 2, гл. 7, § 2.

освященіи колокола, Церковь испрашиваетъ у Господа особенной благодати, „вливающейъ въ кампанъ силу яко услышавше вѣрніи раби гласъ звука его, въ благочестіи и вѣрѣ укрѣпятся и мужественно веѣмъ дьявольскимъ навѣтомъ сопротивостануть... да утѣлятся же и утѣшатся и престануть нападающія бури вѣтрыныи, грады же и вихри и громы страшныи и молніи злорастворенныи и вредныи воздухи гласомъ его“ и проч. ¹⁵⁾ Въ западной Церкви, въ средніе вѣка, колокола считались какъ бы живыми существами; надъ ними совершалось таинство крещенія, какъ надъ младенцами, причемъ давалось имя колоколу, въ присутствіи воспріемниковъ ¹⁶⁾. Воспріемниками колоколовъ были или жертвователи, или представители общества, на средства котораго колоколь отлитъ, или даже сами короли ¹⁷⁾. Въ древней Россіи, кромѣ религіознаго значенія, колокола имѣли еще значеніе гражданское и политическое. Въ большихъ городахъ существовали, такъ называемые, *набатные* колокола, назначеніе которыхъ исключительно состояло въ томъ, чтобы созывать народъ на пожаръ. Изъ исторіи извѣстенъ напр. набатный колоколь г. Углича, сосланный Годуновымъ въ Сибирь за то, что въ него ударили въ набатъ, когда былъ умерщвленъ Димитрій Царевичъ. Въ свободныхъ городахъ—Новгородъ и Псковъ, до покоренія ихъ московскими царями, были колокола *звонные*, звономъ которыхъ созывались граждане для обсужденія общественныхъ вопросовъ. *Ив. Оболенскій.*

(*Курск. епарх. вѣдомости* № 5).

Чудеса покойнаго папы.

Unita Cattolica начинаетъ собирать чудеса Папы Пія IX-го, съ цѣлью подготовить причисленіе его къ лику святыхъ. Она рассказываетъ о баронессѣ Скоппа изъ Сант Андреа-дель Іоніо въ Нижней Калабріи, которая исцѣлилась отъ злокачественной раны на правомъ пальцѣ послѣ того, какъ на нее положено было нѣсколько волосковъ покойнаго папы. Пользующій эту даму врачъ, Фердинандъ Козентино, извѣщаетъ объ этомъ исцѣленіи какъ о чудѣ, котораго дама могла удостоиться по своему благочестію и благотворительности. (*Совер. Изв.* № 100).

Французская клерикальная газета *Le Pèlerin* сообщаетъ, что покойный папа Пій IX уже начинаетъ творить чудеса. Такъ, одна монахиня въ Парижѣ страдала болѣзью въ кишкахъ, противъ которой оказались безсилны все старанія врачей. Тогда монахиня достала изъ шкафа старую шапочку Пія IX, подаренную ей послѣднимъ въ бытность ея въ Римѣ. Шапочка была приложена къ больному мѣсту — боль прекратилась сразу, и теперь монахиня жива и здорова по прежнему. (*Совер. Изв.* № 119).

¹⁵⁾ Дополнит. требн., напечатан. въ Кіево-Печер. Лаврѣ, 1868 г., стр. 74—75.

¹⁶⁾ Luft. liturg., cap. 19, 430. Bieham Antiquit. Eceles., cap. 13, 241.

¹⁷⁾ Ibidem.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышелъ въ свѣтъ четвертый томъ русской исторической бібліотеки, издаваемой Археографическою Коммисією, онъ заключаетъ въ себѣ:

ПЕРВУЮ КНИГУ

ПАМЯТНИКОВЪ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Въ эту книгу вошли: 1) Виленскій соборъ 1509 г.—2) Кіевскій соборъ 1640 года.—3) Дневникъ Аванасія Филипповича.—4) Сочиненіе Льва Кривыи объ униі, 1617 года.—5) Палинодія—Захаріи Копыстенскаго.—6) Посланія, приписываемыя старцу Артемію.—Указатель.—Примѣчанія.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Археографическую Коммисію, у Чернышева моста, домъ шестой гимназіи, по Театральной улицѣ въ С.-Петербургѣ.

Знаменитая церковно-полемиическая борьба происходила и въ мѣстностяхъ Холмска-Варшавской епархіи. Такимъ образомъ, помимо удовлетворенія научно-историческихъ интересовъ, это новое изданіе Археографической Коммисіи оказывается весьма пригоднымъ особенно для духовенства возсоединенныхъ съ православною церковью бывшихъ униатскихъ приходовъ.

Поправка опечатки.

Въ № 12 нашего Вѣстника въ Рѣчи Его Высокопреосвященства на стр. 6, въ строкѣ 7 сверху, вмѣсто слова „*историческими*“ слѣдуетъ читать „*палистическихими*“.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Извлеченіе изъ Высочайшихъ повелѣній о церковномъ ибніи. — Отзывъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ о сочиненіи прот. Толмачева „Собесѣдоват. богословіе“. — Распоряженіе Епарх. Начальства о напечатаніи вышеозначеннаго извлеченія. — Объявленія и извѣстія: 1) Награжденія набедренникомъ; 2) Утвержденіе въ должностяхъ. **Отдѣлъ II.** Слово въ день Св. Леонтія еп. Ростовскаго, прот. Ивановскаго. — Состояніе православныхъ церквей и монастырей въ Ц. П. до учрежденія архіерейской каедры въ Варшавѣ, прот. Корженевскаго. — О недвижимыхъ имуществвахъ западно-русской Церкви (продолженіе), свяц. А. Будиловича. — Извѣстія и замѣтки: 1) Употребленіе при церквахъ колоколовъ; 2) Чудеса покойнаго папы. — Объявленіе. — Поправка. — Приложение.

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.
Священникъ А. Будиловичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 27 іюня 1878 года. — Цензоръ, каедральный протоіерей А. Метаніевъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.